

773

28483

Н. ПОГОДИН

**КРЕМЛЕВСКИЕ
КУРАНТЫ**

« ИСКУССТВО »

НИКОЛАЙ ПОГОДИН

**КРЕМЛЕВСКИЕ
КУРАНТЫ**

ПЬЕСА В ТРЕХ АКТАХ,
ДВЕНАДЦАТИ КАРТИНАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
Москва 1941 Ленинград

Редактор С. Кирьянов

Подписано к печати 25/III 1941 г.
А34658. „Искусство“ № 2408. Кол.
п. л. 2¹/₂. Кол. уч.-изд. лист. 3.47.
Колич. печ. знак. в 1 печ. листе 59904.
Тираж 5000.

Цена 2 руб.

Типография „Красный печатник“
Гос. изд-ва „Искусство“, Москва,
ул. 25 Октября, 5. Зак. 1.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ленин.

Сталин.

Дзержинский.

Рыбаков — матрос, 26—27 лет.

Забелин — старый инженер.

Забелина — его жена.

Маша — их дочь.

Чуднов — крестьянин, лет 50.

Анна — его жена.

Роман — его сын.

Лиза — их сноха.

Степка и Маруся — дети Лизы.

Торговка куклами

Спекулянт

Духовное лицо

Человек в сапогах

Красноармеец, покупающий куклу

Прохожий

Прохожая женщина

Беспризорники

Бородатый

Подручный } трамвайные рабочие.

Старший

Нищая.

} у Иверских
ворот.

К а з а н о к — деревенский звонарь.

Дама с вязаньем }
Дама испуганная } гости у Забелиных.
Скептик }
Оптимист }

Часовщик.

Беспризорник.

Английский писатель.

Секретарь у Ленина.

Военный.

Председатель домкома.

Прасковья — кухарка у Забелиных.

Старушка с ребенком.

А К Т I

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Иверские ворота в Москве. Часовня с неугасимыми лампадами. Апрельский вечер. Толстая, краснолицая женщина торгует куклами. Здесь же бегают взад и вперед человек в бекеше — спекулянт. Проходят москвичи. Они одеты пестро и бедно. Живут на голодном пайке.

Б е с п р и з о р н и к (поет).

Ах, умру я, умру,
Похоронят меня...
И никто не узнает,
Где могилка моя.

Т о р г о в к а к у к л а м и. Куклы атласные, шелковые, парчевые. Любая кукла — семьсот пятьдесят рублей. Незаменимый подарок детям!

Г о л о с а у л и ч н ы х т о р г о в ц е в. Шрапнель, шрапнель... Крупа приличная, заграничная, лучшая, приятная, ароматная, только на вещи, только на вещи...

— Сапоги фронтные, десертирские, десертирские до-военные кожаные сапоги...

— Кому надо полтавского сала? Я с Полтавы сама привезла. Давайте золотые кольца. На обручальные кольца даю сало, молодое сало.

— Сахарин, академические таблетки, вполне заменяют сахар, ароматные ощущения. Расходов никаких!

— Пояса, пояса, пояса!

— Шелковые, гигиенические лифчики и бюстгалтеры.
Последнее достижение моды и медицины. Европа!

Старушка. Кружева, Брюссель, шантильон де Пари...
Голоса беспризорников (*играют в карты*). У
тебя туз из другой колоды.

Драка.

- Клянусь свободой!
- Положи деньги на место!
- Не дерись, положу.
- Будешь играть без обмана!
- Клянусь свободой!

Игра в карты.

Старушка. Кружева, Брюссель, де Пари, шантильон.
Голоса беспризорников. Иду на любую полови-
вину лимона...

— Голос слышу, денег не вижу. Покажите ответ.

— Есть ответ.

— Прячьте соль! Главное дело, прячьте соль!

Прохожие. Про комету слышали? Будет величиной
побольше луны, с красным хвостом. Фонопория!

— Комета вздор, а вот Англия большевиков возьмет
не мытьем, так катаньем...

Проходит духовное лицо, идет медленно, глаза опущены.

Духовное лицо (*тихо, но внятно*). Кресты золо-
тые, литые, старинные, — меняю на муку.

Прохожий. А колокола не меняешь?

Духовное лицо. А что, разве есть покупатель?

Прохожий. Ты самую иверскую божью мать про-
дашь, ирод!

Беспризорник. Мальцы, смотрите, инженер идет,
который спичками торгует. Мы сейчас у него из кармана
будем деньги брать, папиросы брать, а он за нас будет
плакать.

Является Забелин. Он чисто выбрит. Седеющие виски и усы его тщательно подстрижены. На нем фуражка инженера и форменная жакетка под старым пальто. Забелин носит крахмальные воротнички и дорогие старинные галстуки.

Забелин (стал у стены). Довоенные серные безопасные спички фабрики Лапшина! (После продолжительной паузы.) Довоенные серные безопасные спички фабрики Лапшина!

Беспризорник. Здравствуй, инженер!

Забелин. Здравствуй, мальчик.

Беспризорник. Как живешь?

Забелин. Как ты, плохо.

Беспризорник. Ты же дома живешь, а я в котле.

Забелин. И я скоро в котел переселюсь.

Беспризорник. Когда переселишься, тогда и говори. Много наторговал?

Забелин. Не знаю.

Беспризорник. Мы сейчас посчитаем!

Забелин. Как же ты считаешь?

Беспризорник. Я по арифметике был первый ученик.

Беспризорники вынимают деньги из карманов Забелина.

Торгуй, инженер, мы к тебе еще придем. Бежим, мальцы, на Тверскую, кашу просить (поет).

А в Дону пароход,
Вода кольцами,
Будем рыбу кормить
Добровольцами.

Голос торговца. Пояса, пояса!

Беспризорники вырывают пояса и убегают. За кулисами пение курсантов.

Голос. О, боже мой! Скройте бабу, у мене пид юбкой сало... Кругом сало...

Проходят курсанты.

Торговка куклами. Лучший подарок детям, куклы атласные, шелковые, парчевые...

Около торговли остановился проходящий красноармеец.

Красноармеец. Почему эти куклы?

Торговка куклами. Семьсот пятьдесят.

Красноармеец. Разор... За что деньги берешь? За куклу! Разве это вещь!

Торговка куклами. Вам не нужно — значит, и не интересуйтесь.

Красноармеец. Зачем не нужно? Нужно. Говори делом, за сколько эту отдашь?

Торговка куклами. Семьсот пятьдесят.

Красноармеец. А любую половину не хочешь?

Торговка куклами. Если хотите шутить, то идите-ка вы в другое место.

Красноармеец. Бери пятьсот... Ну, сама подумай: это же не лошадь, а кукла... игрушка!

Торговка куклами. Если вы ничего не понимаете, то и не говорите! Чего вы их лаете?

Красноармеец. Ладно. Выбери сама, какую побольше.

Забелин. Что же... вы их на вес покупаете?

Красноармеец. Эка... и не разберешь, за что деньги плачу... (Следит за торговкой.) Ты, кума, эту кривую мне не суй!

Торговка куклами. Глупый ты. Она не кривая, а с выражением лица.

Красноармеец. Раз торгуешь без скидки, то и товар подавай первый сорт. (Забелину.) Верно говорю?

Забелин. Зачем вам кукла?

Красноармеец. Скажут тоже — мне. Девчонке везу, дочери. С фронта еду в бессрочный отпуск. Подарок везу. Почему спички?

Забелин. Я торгую по обычным ценам.

Красноармеец. А они зажигаются?

Забелин. Я никогда людей не обманывал.

Красноармеец. Мало ли что... Я вчера ломоть хлеба купил. Откусил, а он горький. Собаке бросил, и та есть отказалась. Ежели с ручательством торгуете, то я на этот аршин денег возьму серничков про запас. А то в деревне на огонь тоже голод. Ох, теперь на все голод. (*Разматывает ленту денежных купонов.*) Зато богато живем... в сотнях-тысячах, как сыр в масле, купаемся!

Забелин. Долго воевал, солдат?

Красноармеец. С империалистической пошел на гражданскую.

Забелин. Так... Немного же завоевал, солдат,— куклу да пачку спичек!

Красноармеец. Какой ни есть, а подарок. Заговоришься с вами, а поезд уйдет. Время не знаете?

Забелин. Не знаю. На Кремле теперь часы не бьют.

Красноармеец. Что же это они? Испортились?

Забелин. Да, брат, испортились главные часы государства. Молчат кремлевские куранты. Счастливого пути, солдат. Вези домой куклу.

Красноармеец. Меня не собьешь. Я тертый. А за такие намеки вас могут к стенке прислонить.

Забелин. Думаете, лучше будет? Лучше не будет.

Красноармеец. Не знаю — лучше, не знаю — нет, а к стенке вас поставить не мешало бы. Ну, прощайте, мне некогда.

Человек в сапогах. Кто интересуется новой антирелигиозной литературой, проходи сюда: «Что делает жена, когда мужа дома нет». Сочинение Достоевского. «Сто шуток и анекдотов из половой жизни графа Соллогуба». (*Уходит.*)

Забелин (*торговке*). Кремлевские куранты молчат... Что вы думаете по этому случаю?

Торговка куклами. У меня с комода тоже будильник упал и остановился. У кого починить, не знаю.

Забелин. Простите, вы сказали глупость.

Торговка куклами. Если вы умный, то и не лезьте к глупым.

Спекулянт. Шрапнель, шрапнель, крупа приличная, заграничная, лучшая, приятная, ароматная... только на вещи, только на вещи...

Торговка. Платок возьмешь?

Спекулянт. Смотря какой.

Торговка. Оренбургский, ненадеванный.

Спекулянт. А где же твой платок?

Торговка. А где же твоя крупа?

Спекулянт. Недалеко. Я честный торговец. Не бойся.

Забелин. Послушайте, торговец крупами...

Спекулянт. Слушаю, ваше сиятельство.

Забелин. Если бы в Лондоне, на Вестминстерском аббатстве, замолчали куранты, то что бы сказал англичанин?

Спекулянт. Не могу знать, ваше сиятельство!

Забелин. Англичанин сказал бы, что Англия кончилась.

Спекулянт. Свободное дело, свободное дело!

Забелин. Это, торговец крупами, пароксизм сердца!

Спекулянт. Вы, ваше сиятельство, дома с женой об этом беседуйте, а с нами не стоит.

Торговка куклами. Если вы хотите на Лубянку, то туда вам и дорога, а мы совсем не хотим.

Спекулянт. За такие беседы, ваше сиятельство, могут заставить нужники вывозить, вот вам и аббатство.

Торговка куклами. Чего вы из себя на улице кадета выставяете? Чего вы моим покупателям подпускаете агитацию на Кремль? Если вы против режима встали, то катитесь к Врангелю в Крым. Вы не советский спекулянт. Я вас брею, а вы молчите, гордость показываете. Тоже нашелся Иисус без апостолов!

Духовное лицо весь этот разговор наблюдал со стороны.

Духовное лицо. Меняю золото на муку... Чистое, старинное, монастырское золото меняю на муку... (Проходит.) Смотрю я на вас и думаю — великий огонь в сердце носите!

Забелин. Простите, с попами никогда в сношения не вступал.

Духовное лицо. Сие от заблуждения, друг мой! Ну, вот повергли в прах попов, а что вышло?

Забелин. А с вами тем более разговаривать, должно быть, очень противно.

Духовное лицо. Своего берега не имеете! Утонете, милостивый государь!

Забелин. Повторяю, с попами и жуликами в сношения не вступаю.

Духовное лицо. Вы бес... бес!

Забелин. Убирайтесь отсюда, старый мошенник!

Духовное лицо. От мошенника слышу!

Забелин. Я вам по шее дам!

Духовное лицо. Вы дьяволом одержимы. У вас повадки бешеные, уверяю вас!

В то время, как духовное лицо уходит, является Забелина. Это женщина лет сорока. Выглядит и держится моложе, отнюдь не увяла и не опустилась. Одета хорошо по-зимнему. На голове белый теплый шерстяной платок.

Забелина. Антон Иванович, ты опять поссорился?

Забелин. Я живу на улице.

Забелина. Кто тебя заставляет жить на улице? Кто тебя гонит на улицу? Никто.

Забелин. Советская власть.

Забелина. Это недоступно моим понятиям!

Забелин. Мы поговорим в тот момент, когда твои понятия расширятся. Вообще я бы советовал тебе внимательнее смотреть за дочерью... А я в опеке не нуждаюсь.

Забелина. Но и Маша у нас не ребенок. Она начинает самостоятельную жизнь.

Забелин. Да, это правда. Если она завтра сделается уличной девкой, я не буду удивлен.

Забелина. Антон Иванович, побойся бога! Ты это сказал о Маше, о нашей дочери.

Забелин. Час тому назад твоя дочь ушла в гостиницу «Метрополь» вдвоем с мужчиной...

Забелина. «Метрополь» теперь не гостиница... Там устроили Второй Дом Советов.

Забелин. Я не знаю, что это такое — Дом Советов. «Метрополь» — гостиница. Наша дочь ушла в номер к мужчине. Я сам видел.

Забелина. Надоели мне твои пируэты. Ты мне муж, разведись со мной, но не смей говорить такие вещи!

Забелин. Если в течение трех дней этот господин не будет у нас, то я приму меры...

Забелина. Шел бы ты домой, у тебя руки застыли... Тяжело мы стали жить, Антон Иванович... Горько!

Забелин. Теперь вся Россия живет тяжело и горько!

Забелина ушла. Является человек в лаковых сапогах.

Человек в сапогах (Забелину.) Граф Каллиостро, есть полпосуды самогону... не желаете войти в пай?

Забелин (отходит прочь). Спички, довоенные, фабрики Лапшина!

Старушка. Кружева... Брюссель... Шантильон...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в гостинице «Метрополь». Комната эта давно потеряла гостиничный вид. Здесь великое множество газет и книг, разложенных в беспорядке. На столе — спиртовка, черный хлеб, чайник, стаканы и пачки с патронами. Над кроватью на стене — карабин, сабля, револьвер в кобуре. Маша Забелина, в пальто и шапочке, стоит у притолки дверей. Рыбаков в глубине комнаты перелистывает какую-то книгу. Маша долгое время с усмешкой наблюдает за ним.

М а ш а. Зачем вы заперли дверь?

Р ы б а к о в. Затем, чтобы сюда никто не вошел.

М а ш а. Неправда...

Рыбаков промолчал.

Откройте дверь. Я уйду.

Р ы б а к о в. Не открою.

М а ш а. Вообще вы пытаетесь представить себе, что вы делаете?

Рыбаков молчит.

Как это гадко, когда вы, как жулик, заперли дверь и спрятали ключи. Вы улыбаетесь... отвратительно улыбаетесь, уверяю вас... Я хочу уйти. Вы слышите?

Р ы б а к о в. Слышу.

М а ш а. Так что же?

Р ы б а к о в. Я дверь не открою.

М а ш а. Я выпрыгну из окна.

Р ы б а к о в. Прыгайте.

М а ш а. В этом ничтожном поступке весь вы. По вашим понятиям, если к вам пришла знакомая девушка, то прежде всего надо запереть дверь?

Р ы б а к о в. Это поступок не ничтожный.

М а ш а. Отвратительный!

Р ы б а к о в. Наоборот!

М а ш а. Мерзкий поступок!

Р ы б а к о в. Я решил с вами говорить.

М а ш а. При закрытых дверях!

Р ы б а к о в. А что мне делать?

М а ш а. И вы пишете мне ваши послания, что вы меня любите?

Р ы б а к о в. Нет, вы скажите мне, что я должен делать? Сколько раз я собирался говорить с вами, но вы с насмешкой кланялись мне и уходили. Попробуйте теперь поклониться! Ничего не выйдет.

М а ш а. Значит, это ловушка?

Р ы б а к о в. Совершенно верно, ловушка. Садитесь.

М а ш а. Откуда такой тон? Вы пытаетесь мне прика-
зывать?

Р ы б а к о в. Садитесь.

М а ш а. Не сяду.

Р ы б а к о в. Ну, мне все равно, стойте хоть до утра.

М а ш а. То есть, как это до утра?

Р ы б а к о в. До утра — значит до утра.

М а ш а. Рыбаков, вы не пьяны?

Р ы б а к о в. Довольно с меня ваших фокусов, Мария Антоновна. Я вам не игрушка! А такой же, как вы, человек! Вы образованны лучше, чем я, и воспитание у вас никак моему не равняется, но почему-то со мною себя вы ведете страшно грубо. Хорошо. Как вы, так и я! Пока я не добьюсь от вас ответа, эти двери не откроются и вы отсюда не уйдете!

М а ш а. Хорошо! Говорите.

Р ы б а к о в. Что же говорить?.. Вы ведь отлично все знаете.

М а ш а. Вы же собирались говорить. Говорите, я слушаю!

Р ы б а к о в. Нехорошо все это, Мария Антоновна!

М а ш а. В сотый раз я вас прошу — не называйте меня Марией Антоновной. Я вам давно разрешила называть меня Машей.

Р ы б а к о в. Не о чем мне говорить. Все давно сказано.

М а ш а. Милый Рыбаков, я вашей женой не буду.

Р ы б а к о в. Почему?

М а ш а. Не знаю. Успокойтесь... До свиданья. Открой-
те дверь.

Р ы б а к о в. Это не ответ. Так не говорят.

М а ш а. Это точный и окончательный ответ.

Р ы б а к о в (вдруг с отчаянием). Но почему у вас лицо не чужое? Когда человеку отказывают, то не могут же быть такие добрые, такие веселые глаза! Или в самом деле есть такие девушки, у которых их нежность и красота ни-

чего не доказывают? «Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла»?..

М а ш а. Боже мой! А вы и не знали? Ну, конечно же, я демон... Я коварна и зла!

Р ы б а к о в. Почему вам так весело?

М а ш а. Вы герой гражданской войны... Смешно, стыдно...

Р ы б а к о в. Что ж, герой гражданской войны, по-вашему, не человек?

М а ш а. Я не так сказала. Вы подумайте, в какое время мы живем. Вы бываете у Ленина...

Р ы б а к о в. Неправильно говорите, Мария... Неправильно говорите, Маша! Мы не пуритане!

М а ш а. Откуда вы знаете о пуританах?

Р ы б а к о в. Для чего-нибудь я ведь читаю по целым ночам? Я готовлюсь в Свердловский университет.

М а ш а. Что же вы читали прошедшей ночью?

Р ы б а к о в. «Героя нашего времени». Печорина!

М а ш а. А вчера?

Р ы б а к о в. «Письма издалека».

М а ш а. Хотите, чтобы я руководила вашими чтениями?

Р ы б а к о в. Маша, сядьте хоть на минуту!

М а ш а. Откройте дверь!

Р ы б а к о в. Не открою.

М а ш а. Это неприлично. Вы меня унижаете.

Р ы б а к о в. А смеяться над человеком прилично?

М а ш а. Я не смеюсь над вами.

Р ы б а к о в. Вы здесь просидите три дня и три ночи—и пока не ответите мне серьезно, искренно, я вас не отпущу.

М а ш а. Я сказала.

Р ы б а к о в. Это не ответ.

М а ш а. Потому что он вам не нравится?

Р ы б а к о в. Не потому.

М а ш а. Другого не будет.

Р ы б а к о в. Будете сидеть.

М а ш а. Хорошо, буду сидеть.

Рыбаков. Отлично.

Маша. Пожалуйста, меньше курите и откройте форточку.

Рыбаков. Извините. *(Открывает форточку.)*

Маша. Почему вы не пускаете в ход оружия? Возьмите револьвер... попугайте меня!

Рыбаков. Я никого не хочу пугать.

Маша. Моей подруге ее начальник приказал в трехдневный срок выйти за него замуж. А если нет, то он сказал, что она и ее родители, как бывшие буржуи, будут сосланы.

Рыбаков. Такого подлеца надо расстрелять.

Маша. Но чем вы от него отличаетесь?

Рыбаков. Я? Отличаюсь.

Маша. Чем же?

Рыбаков. Я люблю вас. Вы знаете.

Маша. Не смейте мне говорить о вашей любви. Мне противно вас слушать.

Рыбаков. Противно?

Маша. Да.

Рыбаков открыл дверь и распахнул ее.

Рыбаков. Это настоящий ответ... искренно и честно.

Маша. Что же, обижаться?

Рыбаков. По крайней мере это по-человечески. Уходите.

Маша. То есть, как уходите?

Рыбаков. Конеч. В самом деле, давно пора... Уходите...

Маша идет и сталкивается в дверях со своей матерью Забелиной.

Забелина. Позвольте войти?

Маша. Мама, как ты здесь?

Забелина. Я при входе в Дом Советов узнала, где живет гражданин Рыбаков.

Маша. Зачем ты пришла? Что случилось?

Забелина. Позвольте же мне войти... (Входит и обращается к Рыбакову.) Здравствуйте, молодой человек. Вот видите, какая у вас будет теща.

Маша. Мама, откуда ты это взяла?

Забелина. С твоих слов.

Маша. Ты же ничего не знаешь.

Забелина. Я все знаю. Иначе разве был бы возможен мой визит сюда? Как нехорошо у вас, молодой человек, сколько мусора. Потом, зачем такое множество газет? Прочли и выбросили. Плохо живете, Александр. Я знаю, что вас зовут Александр. А отчество?

Рыбаков. Михайлович.

Забелина. Я тоже Михайловна. Лидия Михайловна. Я все знаю, Александр Михайлович.

Рыбаков. Зато я ничего не знаю.

Маша. Мама, я умоляю тебя, ничего не говори!

Забелина. Я ничего не скажу. Вам, молодой человек, давно пора явиться к нам.

Рыбаков. Меня не приглашали.

Забелина. Я этого не знаю. Самому следовало настоять и давным-давно представиться у нас в доме. (Маше.) Сегодня Антон Иванович видел тебя с Александром Михайловичем и знает, что ты здесь.

Маша. Не может этого быть...

Забелина. А откуда же я это узнала?

Маша. Что он сказал?

Забелина. Нам, Машенька, надо торопиться домой. Я тебе по дороге скажу. А вас, молодой человек, мы приглашаем быть у нас в субботу, часов в семь вечера. (Еще раз осмотрелась.) Комната хорошая, но как вы ее запустили! Плохо живете! До свиданья!

Рыбаков. Маша, что же делать?

Маша. Делайте, что хотите.

Забелина и Маша ушли.

Рыбаков. Никогда так не уставал. Уехать, что ли, куда-нибудь к чорту из Москвы?

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Лес на опушке в чаще у озера. Охотничий шалаш. Начало весны. Ночь перед рассветом. У входа в шалаш висит фонарь. Рядом на огне греется вода в чайнике. У огня возится крестьянин — егерь Чуднов. Опираясь на старинное ружье, стоит деревенский звонарь Казанок.

Чуднов. Зорька-матушка, выдайся для нас погожей. Господи, я тебе помолюсь, ей-богу, помолюсь.

Казанок. Чуднов, на заре будет туман. У меня приметы безоблыжные.

Чуднов. А небо чистое, погода ясная... Откуда этот туман берется — не пойму. Опять у нас с товарищем Лениным охота не получится.

Казанок. Который теперь час? Должно, пятый.

Чуднов. Пятый... Ну, я за чурашками пойду, а ты стой, посматривай, карауль озеро.

Казанок. Не маленький, знаю.

Чуднов уходит.

Помню, зимой, когда Ильич приезжал охотиться на лису, тоже из-за вьюги ничего не вышло. Кто там?

Является Рыбаков.

Рыбаков. Свои.

Казанок. Нет, не свои.

Рыбаков. Говорю — свои, значит свои.

Казанок. Стой!

Рыбаков. Стою.

Казанок. Ты не наш.

Рыбаков. А чей?

К а з а н о к. Чужой.

Р ы б а к о в. Старик, орудие поверни, может быть, оно стреляет.

К а з а н о к. Стреляет.

Р ы б а к о в. Зачем же ты мне в котелок целишься?

К а з а н о к. Кто ты такой?

Р ы б а к о в. Матрос.

К а з а н о к. Откуда явился?

Р ы б а к о в. Из Москвы.

К а з а н о к. Ты арестованный.

Р ы б а к о в. А дальше что?

К а з а н о к. Руки вверх!

Появляется Чуднов.

Ч у д н о в. Это свой. Это товарищ Рыбаков, не сомневайся. Он же военный, моряк, с Ильичем приехал, а ты его под арест. Эй, как же это ты опростоволосился?

Р ы б а к о в. Более того, у меня маузер, а у него простой бердан, но часовой есть часовой, к тому же не из пугливых. Это хорошо, что вы Ленина охраняете.

К а з а н о к. Свой, так свой. Мое дело — узнать. Ты не обижайся.

Р ы б а к о в. А я на тебя не обижаюсь.

К а з а н о к. Не обижаешься, а фыркал на меня.

Р ы б а к о в. Как же не фыркать, если ты за грудки хватаешь!

К а з а н о к. Такое дело. За что схватил, за то держи. Я сейчас часовой, человек казенный. (Мирно.) Прощайте. (Уходит.)

Р ы б а к о в. Где Ильич?

Ч у д н о в. На озеро ушел.

Р ы б а к о в. Один?

Ч у д н о в. Не беспокойся, мы кругом охрану выставили. Садись. Сейчас чай поспеет. Только у меня заварка из морковки, чем она воняет, — не поймешь. Эх, ты, господи, ничего нет — ни чаю, ни сахару, ни керосину.

Рыбаков. Чего ты мне жалуешься? Разве я не знаю?

Чуднов. Рыбаков, в Москве у вас ничего такого не случилось?

Рыбаков. Чего — такого?

Чуднов. Особенного чего-нибудь.

Рыбаков. Не знаю. По-моему, ничего особенного не случилось. А почему ты спрашиваешь?

Чуднов. Что-то товарищ Ленин приехал задумчивый. Пришли мы с ним сюда сегодня — молчит. Я фонарь зажег. Он с патронами повозился и бросил. Встал, прошелся здесь, а потом сказал: «Я на озеро пойду, вы меня не ищите. Я сам вас кликну». И ушел.

Рыбаков. А ты все-таки пойдешь и осторожно напомни ему, что, мол, чай готов.

Чуднов. А по-моему, не надо.

Рыбаков. А по-моему, надо. Он забыл, и без чаю останется. Продрогнет. Приехали мы рано.

Чуднов. На ложку. Помешай чай, чтобы морковка в нем распространилась, а я, пожалуй, дойду. *(Ушел.)*

Рыбаков *(напевает какую-то песню, потом про себя припоминает стихи)*. «Русалки на ветвях сидят... И на неведомых дорожках следы невиданных зверей... Избушка там...» Чай с морковкой...

Является Чуднов.

Ну, что?

Чуднов. Иди, зови сам, а я не решаюсь. Я издали его увидел, у озера-то светлее, чем тут. Сидит он там на чем-то, облокотился, на тот берег смотрит... Может быть, он в эту минуту планы составляет, а мы, дураки, этого не понимаем и тащим его чай пить.

Рыбаков. Хорошо. Давай ждать. А чай мы потом подогреем, товарищ Чуднов. Эх, ночка! Слышишь, как на озере шелестит, шепчет?.. Чуднов, у вас тут русалок не бывает?

Чуднов. Русалок? Русалки в эту пору по избам дрыхнут.

Рыбаков. Я у тебя про тех русалок спрашиваю, что на ветвях сидят.

Чуднов. Таких в нашей губернии не водится.

Рыбаков. Жалко...

Чуднов. Чем богаты, тем и рады.

Рыбаков. Я думаю, Тихон Иванович, сколько начудили мы всякого за революцию, а звезды как были, так и есть. Непостижимое дело — вечность!

Чуднов. А я думаю, Александра, жениться тебе пора.

Рыбаков. Наверно, пора...

Чуднов. То русалок просишь, то на небо глядишь... Приезжай после пасхи, мы тебе русалочку просватаем.

Рыбаков. У меня своя есть.

Чуднов. Есть, а ходишь без покоя.

Рыбаков. Любовь у меня получилась, Тихон Иванович.

Чуднов. Сочувствую. Такой геройский матрос — и попался, значит. Ты смотри, знаю я этих московских. С ними так, абы как, не сладишь! Тоже скажу, и бояться их нечего. В этом деле испуг, как на войне... пропадешь! Пускай она тебя боится, а ты перед нею гоголем ходи.

Рыбаков. Нет, товарищ Чуднов, я серьезно говорю, ты смотри... Ильичу не надо об этом...

Чуднов. Бойшься? Тише, Рыбаков. Я его шаги слышу. Он сам сюда идет... Ставь чайник.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В избе Чудновых. Чистая половина избы в три окна. В проходе из сеней — русская печь. Лавки, стол, покрытый белой скатертью, божница и на стене меж лубочными картинками и семейными фотографиями портрет Ленина, дешевая литография. Старуха Чуднова Анна и ее сноха Лиза прибирают избу. Дети Лизы — Маруся и Степка — восторженно перешептываются.

А н н а (Лизе). Вынеси сапоги. К чему у вас сапоги на лавке стоят и дегтем воняют? Вот-вот охотники придут, а у вас ералаш. (Детям.) Я вам пошепчусь! Марш по местам на печь!

Л и з а уносит сапоги. Является К а з а н о к.

К а з а н о к. С праздником тебя, Анна Власьевна!

А н н а. И тебя также.

К а з а н о к. Пришел предупредить: сей минут Владимир Ильич будут.

А н н а. Ах, ты, бабушки! Казанок! Вот память! Беги на колокольню!

К а з а н о к. Вот тебе раз! Зачем?

А н н а. Кругом идет голова. Не знаю.

Является Л и з а.

Лиза, скажи, зачем Казанку надо быть на колокольне?

Л и з а. Роман велел на случай митинга в большой колокол ударить.

К а з а н о к. Ударим! (Уходит.)

Л и з а. Постой... Ох, наделает он трезвону!

А н н а. Постой! Казанок!

К а з а н о к (возвращаясь). Чего вам?

А н н а. На колокольне надо быть тихо, благородно. Ты оттуда все время выглядывай на проулок. Мы к тебе Степку пришлем. Степка тебе с проулка жердью махнет. Тогда ты бей в большой колокол. Опять же, Казанок, ты не часто бей, а редко, как к заутрене вроде.

К а з а н о к. Не вам учить меня. Знает Казанок, как ему для товарища Ленина в колокол ударить. (Ушел.)

А н н а (детям). Марш на печку!

Л и з а. Зачем вы детей прячете?

А н н а. Сама подумай, такому гостю — и наших анчуток выставляют? На ключи, вынай из сундука скатерть, бери мою, с бахрамой.

Л и з а. Не пугайтесь вы, ради христа, чего вы испугались?

А н н а. Неси скатерть, ведь стол голый.

Л и з а ушла.

(Детям.) А вы на печь!

С т е п к а. Бабушка, мы знаем...

А н н а. И не выглядывать, не пересмеиваться, зря не кряхтеть.

С т е п к а. Бабушка, а посмотреть на него можно, когда он нас видеть не будет?

Входит Л и з а.

А н н а. Я тебе посмотрю ремнем по заднице!

Л и з а. Господи, чистую смену хотела на них надеть, глянула — а рубахи не глажены.

А н н а. Лизавета, что же ты прохлаждаешься?

Л и з а уходит.

Не завесить ли нам иконы? А то пускай... к чему это притворство?

Вбегает Л и з а.

Л и з а. Идут!

А н н а. Кто да кто?

Л и з а. Ленин и батюшка.

А н н а. Одни?

Л и з а. Одни.

А н н а. Значит, наши деревенские его не признали. Ну, господи благослови! Ты у дверей стань. Смотри, что подать, принять. На платок, покройся, нехорошо!

Входят Ленин и Чуднов. Ленин одет в доху и в шапке с «ушами».

Чуднов. Это моя старуха, Анна Власьевна.

Ленин. Здравствуйте.

Чуднов. А то сноха — Лиза.

Ленин. Доброе утро!

Анна. С чем пришли с вашей охоты?

Ленин. Ни с чем, представьте себе. Мы такие знаменитые охотники, что на фунт дичи нам надо фунт пороху.

Чуднов. Зачем напраслину на себя возводите? Туману наволокло, чистая беда. Никогда я такого дуравьего туману и не видал. Как одеялом озеро покрыл.

Ленин (*раздеваясь около дверей*). Чья это пятка?

Анна. Ну, вот... сконфузили!

Ленин. Кто там? А ну-ка, товарищи, пожалуйста сюда! Позвольте, вас тут двое? Пожалуйста сюда двое!

Степка. Бабушка, слезать?..

Анна. Слезайте... (*Ленину*.) Они у нас чумазые, как анчутки.

Ленин (*Степке*). Тебя как зовут?

Степка. Степка.

Ленин. Степка... А почему не Степан?

Степка. И Степан, и Степка.

Ленин (*Марусе*). А тебя?

Степка. А ее — Маруся.

Ленин. Почему ты за нее отвечаешь?

Степка. Она у нас боязливая.

Ленин (*Марусе*). Ты меня боишься?

Маруся (*весело*). Не.

Ленин. Не боишься, а на печку залезла?

Степка. Нас от Ленина спрятали.

Ленин. А вот и пришел Ленин.

Степка. Где?

Ленин. Вот.

Степка. Ну да... ты не Ленин!

Ленин. Неужели? А кто же я?

Маруся. Вы просто чужой мужик. В гости пришел.

Степка. Ленин как раз не такой.

Ленин. А какой?

Степка. Посмотри на его портрет, тогда увидишь.

Ленин подошел к своему портрету.

Ленин. Этот важный, надутый господин ни капли на Ленина не похож.

Степка. Может, ты похож?

Ленин. А вот я похож.

Анна хочет вмешаться.

Нет, вы не мешайте нам довести спор до конца. (Степке.) Я утверждаю, что я похож.

Степка. Ты ни капли не похож, а там настоящий, раз его машиной напечатали.

Ленин. Нет, я самый настоящий, а он нет!

Степка. Нет, он!

Ленин. Нет, я!

Степка. Давай спорить!

Ленин. Давай.

Степка. На что?

Ленин. Не знаю.

Степка. На кусок сахара.

Ленин. Хорошо. (Снял шапку.) Ну, теперь скажи, кто настоящий?

Степка смотрит на Ленина, потом на портрет его и отступает к взрослому.

(Надел шапку.) А теперь?

Маруся. А теперь опять не настоящий.

Ленин. А снова? (Снял шапку.)

Степка. Настоящий Ленин!

Маруся. Степка, где ж ты сахару возьмешь?

Степка (вдруг с большой решительностью). Бабка, бежать на колокольню?

Ленин. Зачем на колокольню?

Анна. Так он, буровит... Лиза, самовар!

Чуднов. Садитесь, Владимир Ильич.

Ленин. Благодарю.

Анна. Мы сейчас самовар подадим.

Ленин. Благодарю... Шустрый мальчик.

Чуднов. Баловной,— беда.

Ленин. Я в его пору тоже был шустрым и баловным. Мальчишки загадочный народ, только мы с ними не умеем обходиться. Уменья мало. Нам многое надо уметь. Нам не уметь нельзя,— съедят. *(Подошел к лавке у печи.)* Что это?.. светец? Настоящий старинный светец.

Чуднов. Неужто знаете, что в деревнях жгут лучину?

Ленин. Пользуетесь этой штукой?

Чуднов. Когда керосину не выдают,— зажигаем.

Анна. Трещит... с ней и то веселей, чем в потемках.

Ленин. Да, конечно, веселее.

Входит Роман. В руках мешок, до половины наполненный какими-то легкими вещами. Роман не ожидал в эту минуту найти дома Ленина.

Чуднов. А это мой сын Роман. Председатель и еще... вообще.

Ленин. Здравствуйте, председатель. Что это у вас в мешке?

Роман. Реквизит.

Ленин. Интересно, что за реквизит? Можно посмотреть?

Роман. Можно. *(Смущаясь, вынул большой атласный цилиндр.)*

Ленин. Цилиндр... *(Взял, повертел, щелкнул пальцем по цилиндру.)* Атлас. Чудесная штука. Значит, у вас есть свой театр?

Роман. Пролеткульт.

Ленин. А что это такое — Пролеткульт?

Роман. Я сам хорошо не знаю. Это, как бы сказать, пролетарская культура.

Ленин. Откуда вы добыли цилиндр?

Роман. В Москве на Сухаревой купил.

Ленин. Кто же будет играть в нем?

Роман. Я

Ленин. Кого же вы представляете?

Роман. Банкира.

Ленин. Банкира? А трудно представлять банкира?

Роман. Нет.

Ленин. Я бы ни за что не взялся.

Чуднов. Чистая беда, Владимир Ильич!

Ленин. Отчего беда?

Чуднов. Пришел из армии человек человеком, и вдруг — банкир! Дети растут, а отец — артист!

Ленин. И чудесно, что артист. Я, например, банкира не умею представлять, а он может. Мы с вами, товарищ Чуднов, старомодные люди.

Чуднов. Да, Владимир Ильич, старомодные.

Вбегает звонарь Казанок.

Казанок (от порога). Во имя отца, и сына, и святого духа...

Ленин. Что, что?!

Казанок. Ох, что же я понес? Это я, Пантелей Казанок, звонарь здешний и общественный пожарник. Помните, зимой в метель с вами в лес на лыжах ходил?

Ленин. Еще бы... конечно, помню!

Казанок. Пришел показаться. Живой я... (Окружающим.) Извините. Бегу на место! Я на своем месте буду, не сумлевайтесь. (Ленину.) Мы рады, весь народ! Я звоню не по уставу, а от всей души... Звоню... Вот и весь Казанок: что на нем, то и в нем, всё наружу! Прощайте! (Убежал.)

Ленин. Почему же он убежал?

Анна. Простой он, бесхитростный.

Роман (вышел на середину комнаты, выпрямился). Позвольте, Владимир Ильич... Позвольте, товарищ Ленин, просить вас в Пролеткульт откусать чаю. А также позвольте попросить вас выступить у нас на митинге.

Анна. Нет уж, Владимир Ильич, чай пить в Пролеткульт не ходите. У них там и самовара порядочного нет.

Л е н и н. А что? Может быть, не стоит идти в Пролеткульт? Мы и здесь чаю напьемся, а? Позвольте мне остаться здесь. И хорошо бы без митинга обойтись.

Вбежал Рыбаков.

Рыбаков. Подстрелил! Четырех птиц подстрелил! (Показывает уток.) Я подождал ветерка с поля — и не обманулся... Под ветром все воды открылись. (Чуднову.) Вот тебе и туман!

Л е н и н (сокрушенно). Тихон Иванович...

Чуднов. Сознаю, Владимир Ильич...

Л е н и н. Утки... настоящие дикие утки. Мы с вами философствовали о причинах туманов, непогод и прочих стихий, а он — подстрелил...

А н н а. Что же ты, егер, осрамился?

Чуднов. Молчи, мать! (Ленину.) А вы, Владимир Ильич, как я понимать могу, нынче охотой совсем и не занимались.

Л е н и н (удивленно). Неужели?

Чуднов. Мне так оно показалось.

Л е н и н. Неужели показалось? А может быть, и правда. Я сегодня был очень плохим охотником, товарищ Рыбаков, но зато... (И не договорил.) Зато вы молодец... А ведь не охотник, моряк...

Рыбаков. Так что же, выходит, я всех расстроил?

Л е н и н. Конечно, расстроил, какой же охотник не расстроится? Ветерка подождал с поля и обштопал старых охотников. Цените, Тихон Иванович, прекрасные утки! Вы их спрячьте, чтоб кошки не уташили.

В эту минуту на улице раздается набат.

Л е н и н. Набат?.. Набат...

А н н а. Это ведь Казанок не стерпел.

Чуднов. Ах, леший! Вот леший-то!

Р о м а н (у окна). Ну, теперь ничего сделать нельзя. Вся деревня поднялась.

Л е н и н. Если так, то и мы пойдем... Ах, звонарь, звонил обо мне звонарь... На то он, конечно, и звонарь! Товарищ Чуднов...

Ч у д н о в. Ась?

Л е н и н (одеваясь). А ведь беспокойно жить с большевиками?

Ч у д н о в. Беспокойно, Владимир Ильич!

Л е н и н. Кто их знает, что они завтра выдумают.

Ч у д н о в. Верно говорите, Владимир Ильич!

Л е н и н (точно про себя). Надо думать, товарищ Чуднов... думать, передумывать. Пойдемте, товарищи, на улицу, а то ведь он так от восторга всю колокольню разнесет!

Л е н и н, Ч у д н о в и Р ы б а к о в ушли.

А н н а. Смотрю, и не надивлюсь. Ведь это же царь...

Л и з а. Что?

А н н а. Царь!

Л и з а. Ну, что вы сказали, мамаша! Ленин — председатель советской власти.

А н н а. По-вашему — председатель, по-нашему — царь!

Л и з а. Разве вас переиначишь?.. Я туда побегу!

А н н а. Беги, милая, беги!

Л и з а ушла.

(Оборачиваясь к иконам.) Господи, пошли ему здоровья, счастья, радости и всякого исполнения желания. Прости мя, господи, что уповаю к тебе за неверующего!..

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кремлевская набережная и бульвар. Ночь. Редкий и слабый свет фонарей. На скамейке под деревом сидит Р ы б а к о в. Сначала он насвистывает, потом начинает петь.

Рыбаков (поет).

Не для меня придет весна,
Не для меня настанет лето...

Идет старуха-нищая.

Если без трубы найду Марс, то — да... Если не найду,
то — нет...

Нищая. Кавалер, а кавалер! Убогую, больную старуху
угости папиросочкой.

Рыбаков. Пожалуйста.

Нищая. Благодарю вас, молодой кавалер. (Ушла.)

Рыбаков (старательно поет).

Не для меня придет весна,
И соловей в садах зальется,
И сердце бедное забьется,
Не для меня... Не для меня...

(Задумывается, встает. Долго смотрит на небо.)

Является Ленин. Осматривает Рыбакова. Узнает.

(Очнулся.) Владимир Ильич...

Ленин. Саша Рыбаков, что вы делаете?

Рыбаков. Как же вы один, без охраны?

Ленин. А я от них убежал.

Рыбаков. Как же вы от них убегаете?

Ленин. Этого я вам не скажу. Это секрет старого конспиратора. У меня, видите ли, было очень длинное заседание, и я теперь скрылся немного погулять. Мое появление здесь, так сказать, правомерно. А ваше? Почему вы один, в полночь звезды считаете?

Рыбаков. Считаю... не буду отнекиваться...

Ленин. Влюбились, товарищ Рыбаков?

Рыбаков. Влюбился.

Ленин. Время у нас жестокое, страшное, теперь как будто не до любви, но вы не бойтесь. Любите себе на здоровье, раз это случилось. Только я вам хочу дать один совет. Вы не старайтесь по-новому любить... Любите по-

старому, товарищ Рыбаков. Слышал я про эти новые отношения. Пока что, кроме безобразия и распущенности, ничего не получается.

Рыбаков. Безобразия я сам видал.

Ленин. Вы читали, как Чернышевский любил? Почитайте. (*Вдруг остановился, взял за локоть Рыбакова, тихо, интимно спросил.*) А ведь хорошо любить? Чувство-то удивительное?

Рыбаков (*смущенно*). Да...

Ленин. И еще один совет — не верьте Коллонтай и ее проповедям о любви.

Уходят. Являются трое трамвайных рабочих с тележкой — боро-
датый, подручный и старший.

Подручный. Видали? Ленин.

Бородатый. Тс! Без тебя видали. Узнал — и молчи. Осторожней надо быть.

Старший. Засвети фонарь. Посмотрим, какие тут у нас дела.

Зажигают фонарь и отстукивают трамвайные рельсы.

Можно идти дальше. Туши фонарь, а то свечей нехватит.

Являются Ленин и Рыбаков.

Ленин. Товарищи, скажите нам, который час?

Старший (*подручному*). Посвети. (*Вынул часы с цепочкой.*) Четверть третьего. Прежде, бывало, кремлевские били. А теперь молчат.

Ленин. Это очень плохо. На Кремле никогда не должны молчать часы. Саша, найдите часовщика. Тут нужен такой мастер, которому понятна старинная механика.

Рыбаков. Найдем, Владимир Ильич. Не может быть, чтобы не нашлось такого мастера.

Ленин. Многие часовщики брались пустить куранты и — пасовали.

Бородатый. Побудьте с рабочим классом, товарищ Ленин.

Ленин. Я от рабочего класса не уйду.

Бородатый. Побеседуйте с нами.

Старший. Он у нас балагур... шутник.

Ленин. А вам до шуток?

Бородатый. А чего тужить? Капитализм мы разбили.

Ленин. От разбитого капитализма сыт не будешь.

Бородатый. Теперь начнем социализм строить.

Ленин. А вы знаете, как его строить?

Бородатый. Свет не без добрых людей. Кто-нибудь скажет.

Ленин. Добрых людей много. Вы не всем верьте. Разрушить капитализм куда легче, нежели построить социализм.)

Бородатый. Неужели, Владимир Ильич?

Ленин. Мы первые начинаем, перенять не у кого. К тому же мы — нищие.

Бородатый. Что правда, то правда. Обедняли.

Ленин. Строить придется... никто не поможет. Нищие, голодные люди и начнут строить.

Бородатый. А чего советская власть не сумеет? Все сумеет. Библейские жители хотели построить башню до небес, в городе Вавилоне, и ни черта у них не получилось. А почему? Пишут — смешение языков. А я вам говорю, потому что тогда не было советской власти. Без шуток, Владимир Ильич, советская власть что захочет, то и сумеет.

Ленин. А почему вы так верите в могущество советской власти?

Бородатый. Дайте, я вам одну притчу обрисую. Вы не спешите?

Ленин. Не спешу.

Бородатый. Вот перед вами стоят трое людей. Московские трамвайщики, ночные рабочие. Пролетариат. Ни святые, ни грешные... народ. При какой другой власти эти

люди станут по всей ночи работать за несчастный ломоть хлеба? (*Вынул хлеб.*) Ни при какой. А сейчас упадем, полежим, подыдемся и опять паяем... Поэтому и верю я, в могущество советской власти.

Старший. Поговорили — и честь надо знать. Поехали дальше, а то некогда.

Бородатый. Извините за нескладный разговор... как умеем.

Старший. Спокойной ночи, товарищ Ленин.

Ленин. Спокойной ночи!

Рабочие ушли.

Любите русского человека, товарищ Рыбаков?

Рыбаков. Люблю, конечно...

Ленин. Поживите с мое, тогда полюбите! Если бы Толстой не придумал толстовства, то лучше его никто не представил бы нам русского человека. А вот рабочих старик не понимал... Не хочется домой. Вы влюблены... А мне почему не хочется? Не знаете? Ну, так я вам по секрету скажу... иногда я мечтаю... Разгуливаю один и строю воздушные замки. Башню до небес мы, конечно, строить не будем, но с нашими людьми можно дерзать, можно мечтать...

Рыбаков. Кто-то идет.

Является нищая.

Нищая. Я иду.

Ленин. А вы кто же?

Нищая. Я нищая. Подайте, барин, на пропитание печальной старухе.

Ленин. Саша, у вас что-нибудь найдется?

Рыбаков. У меня ничего нет.

Ленин. У меня тоже ничего нет. (*Нищей.*) Извините!

Нищая. А еще шапку каракулевою носите... сами вы хуже нищих.

Рыбаков. Ну, бабка, иди-ка ты спать!

Нищая. Я по ночам не сплю... я ночью работаю. Я по чайным, по вокзалам побираюсь.

Ленин. Вы это... работой называете?

Нищая. Моя работа не хуже всякой другой. Теперь все один чорт — ходят голодные, как собаки. Ты вот человек, видно, умственного труда, а много ли сегодня кусал?

Ленин. Как это кусал?

Нищая. Ел.

Рыбаков. Пойдемте дальше, Владимир Ильич.

Ленин (Рыбакову). Пойдите! (Нищей.) А до революции чем вы были?

Нищая. Тоже нищей была.

Ленин. Чего же вы сердитесь? Вы ведь ничего не потеряли?

Нищая. Нет, дорогой мой, наш нищий класс больше всего потерял.

Ленин. Почему же ваш класс потерял?

Нищая. До революции я жила — кум королю. В то время я юродивой ходила. У меня в банке три с половиной тысячи лежало золотом...

Ленин. Откуда же вы их взяли?

Нищая. У меня свои постоянные клиенты были. Я ведь ниже купеческих домов первой гильдии не опускалась. А теперь какой у меня профит? Кто теперь нам подает? Ленин всю Россию в трубу пустил и сам, говорят, от нищих недалеко ушел. Сам не живет и другим не дает! Маячьте дальше, а я по своим делам пойду. (Ушла.)

Ленин. Что скажете, молодой человек?

Рыбаков. Нахальная старуха, и больше ничего.

Ленин. Это ведь ужасно. Даже побирušки живут хуже, чем до войны. В деревнях люди сидят по ночам при лучине. Вы видели?

Рыбаков. Приходилось.

Ленин. Лучина, — это же было до керосиновой лампы, молодой человек! Вы думали, что означают сии вещи, а? Вчера я получил письмо с Урала. Там, в Златоусте, на

оружейном заводе, люди руками вынуждены приводить в движение машины. (Пауза.) Я давно размышляю об электрификации России. Как вы полагаете, можно теперь, сегодня, сейчас начинать с электричества?

Рыбаков. Товарищ Ленин, вы за тысячу верст видите. А я — что же? Я никогда не мог бы до такой вещи додуматься.

Ленин. Вы пока никому не говорите, а то меня назовут сумасшедшим. Все-таки это пока мечта...

А К Т И I

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Бульвар в Москве. Памятник Гоголю. На скамейке сидит старушка. Перед старушкой плетеная детская коляска.

Старушка. Вот и уснул мой принц. Спи, мой голубь, спи, мой принц! *(Успокоилась. Дремлет.)*

Вбегает Рыбаков. Осмотрелся вокруг и сник.

Рыбаков. Вот тебе и Гоголь! *(Вынул часы.)* Гоголь остается Гоголем, а я опоздал на целых пятнадцать минут. При ее характере — это катастрофа. *(Быстро к старушке.)* Товарищ нянюшка!

Старушка *(обиделась)*. Молодой человек, почему вы знаете, что я нянюшка?

Рыбаков. Простите, мне все равно.

Старушка. Вам все равно, а мне — нет.

Рыбаков. Я же вижу, — люлочка, ребеночек... Не сердитесь, я хотел спросить у вас...

Старушка. Не шумите, видите — он спит.

Рыбаков *(шопотом)*. Простите, не буду. Я хотел у вас спросить, до моего прихода здесь не прогуливалась ли одна молодая особа?

Старушка. Ступайте, ступайте, ничего не слышу, что вы там бормочете.

Рыбаков *(берет старушку за руку)*. Я очень прошу вас дать мне ответ.

Старушка. Куда вы меня тащите? Я подыму крик!
Рыбаков (*увлекая старушку в сторону от коляски*).
Кричать бесполезно. Я сыщик. Я спрашиваю у вас: вы
здесь у памятника молодую особу сейчас видали?

Старушка. Молодую особу? Да, да... Рядом со мной
сидела одна девица и любовалась моим внуком.

Рыбаков. Ради Христа, какая она? Она должна
быть очень приятная, просто красивая... Черные перчатки
были?

Старушка. Были, клянусь вам! Черные.

Рыбаков. Давно она ушла?

Старушка. Сейчас... сию минуту.

Рыбаков. В какую сторону?

Старушка. В ту сторону.

Рыбаков. Если я найду, то буду помнить вас всю
жизнь. Благодарю! (*Ушел.*)

Старушка пробует очнуться.

Старушка. Сыщик*.. и в безумном состоянии. Вот
так по нашей слабости с испуга и погубишь чужую душу.
Какой ужасный человек. Коршуном налетел. (*Отдышалась,
мысленно сотворив молитву, перекрестилась, села на свое
место. Смотрит в ту сторону, куда убежал Рыбаков.*) На-
гнал... Настиг... Ведет сюда... Подальше от греха.. Спаси,
господи, и помилуй! (*Увозит коляску.*)

Являются Маша и Рыбаков. Идут порознь.

Рыбаков. Я виноват, но вы хоть внимание на меня
обратите, я с ног валюсь. Я тут одну женщину насмерть
перепугал.

Маша. Довольно, Рыбаков, я знаю все ваши манеры.
Этот стиль Циклопа может надоест.

Рыбаков. Циклоп... пускай и Циклоп. А вы кто?

Маша. Вот уж не знаю, кто я в вашем представлении.
Я много думала об этом. С того дня, как у нас в доме все
открылось, я утратила равновесие в жизни, потеряла силы.

Все равно, поймете вы или нет, но я должна сказать вам, что у меня надежда сменяется отчаянием, что я ждала вашей помощи, я этой ночью не сомкнула глаз... а вам — все равно? Великое дело — свидание с барышней! Да и барышня, кажется, раскисла, сама зовет на свидание. Я этот памятник возненавидела. Именно мне в насмешку его и поставили.

Рыбаков. Маша, вы не даёте мне слова сказать.

Маша. Я вам говорю, а вы ничего не понимаете.

Рыбаков. Если я дуб, то нечего со мной и толковать.

Маша. Как вы могли не прийти в такой день?

Рыбаков. Как же я не пришел, когда я вот он.

Маша. Поймите, что это не просто свидание. Там у нас дома — отец, и вы должны к нему явиться, представиться, говорить с ним. Вы не знаете, что это значит. Он страшный человек, он может вас выгнать.

Рыбаков. А я не уйду.

Маша. То есть как?

Рыбаков. Не уйду, и все.

Маша. Вот тебе и раз! С вами действительно рассыпаются все ужасы. Вам — ничего. Вам все легко, радостно. Вас никто не тянет назад. Я же не все рассказала вам про моего отца. Он на зло всем торгует спичками. Инженер Забелин ходит по Москве и продает спички.

Рыбаков. Чудак!

Маша. А мне он дорог, он мой отец, я его люблю. И если бы вы знали его, как я, то и вы полюбили бы.

Рыбаков. В чем дело? Давайте его приводить в христианскую веру.

Маша. В том-то и горе, что на него страшно трудно влиять. Да что я говорю — влиять! Он может высмеять вас зло, оскорбительно, и вообще я не знаю, что будет. Я думала, раз вы не пришли, значит — судьба.

Рыбаков. Я третий день на ногах. Я часовщика искал.

М а ш а. Так. Причина потрясающая. Лучше уж придумали бы что-нибудь другое. У вас была одна забота — починить часы!

Р ы б а к о в. Совершенно верно — одна.

М а ш а. Благодарю.

Р ы б а к о в. Будет вам, Маша, сердиться на меня. Я сюда рвался через дикие препятствия. Сажусь в трамвай — остановка. Почему? Току нет. Прыгаю на грузовик — в Котлы едут. Сажусь на пролетку, квартал проезжаю — свисток. Что такое? Извозчик без номера, в Трамоте не зарегистрирован.

М а ш а. Что вы говорите? Трамот, пролетка...

Р ы б а к о в. Мне поручено найти часового мастера, чтобы пустить в ход кремлевские куранты.

М а ш а. Рыбаков, вы наивный человек. Ведь вы воображаете, что все люди должны знать об этом, я ведь ничего не знаю.

Р ы б а к о в. Ничего не знаете, а обиделись. За что же тут обижаться?

М а ш а. Но этого мастера вы нашли?

Р ы б а к о в. Нашел. Но если бы вы знали, чего это мне стоило. Кому ни скажешь, какие часы требуют ремонта, все пугаются. Один древний, неслыханный еврей в колпаке сел на пол, накрыл голову руками и сказал: «Стреляйте, но я не пойду». От Марьиной рощи до Пресни я прощупал старую Москву и, наконец, нашел такого часовщика, что сам прихожу в недоумение. Он сегодня будет в Кремле, но боюсь, волнуясь...

М а ш а. Почему?

Р ы б а к о в. Я скрыл от него, какие часы требуют ремонта. Если бы вы знали, Маша, под какими впечатлениями я хожу! Случайно ночью, когда Москва делается пустой, я встретил Ильича. Я не могу постигнуть, откуда берутся мысли у этого человека. Я хожу какой-то удивительный самому себе, будто и я куда-то далеко вперед залетел, где еще никто не бывал. И мне неловко. Это же

ничуть не я, а Ленин. Теперь я знаю на всю жизнь, что есть люди, которым ничего не далеко, ничего не страшно, ничего не удивительно.

М а ш а. Саша, милый... с вами очень легко. Почему — не знаю, но вся моя драма расплылась, потонула. Вы помните, сегодня суббота? Вас ждут у нас. Придете?

Р ы б а к о в. Обязательно.

М а ш а. А если на вас отец накинется — найдетесь?

Р ы б а к о в. Найдусь.

М а ш а. Я накинулась, вы же сразу не нашлись?

Р ы б а к о в. С вами... с вами я — ручной.

М а ш а. Так ли?

Р ы б а к о в. Люблю я вас. Я вам по ночам письма пишу, а по утрам рву их на части.

М а ш а. Зачем же вы их рвете? Вы бы их лучше по адресу посылали мне.

Р ы б а к о в. Слов нехватает. Я думаю о любви, чувствую многое, читаю, понимаю, что я истинно люблю вас... Понимаете — истинно, без единой посторонней мысли... А выразить это все настоящими словами не могу!

М а ш а. Вот вы и выразили. Я верю, и — достаточно. Сегодня я почему-то особенно вам верю. Но — пора домой.

Р ы б а к о в. Позвольте проводить вас?

М а ш а. Я бы рада, да боюсь, что нас встретит отец.

Р ы б а к о в. Что же это за отец такой? Неужели это такая неприступная твердыня?

М а ш а. Подождите, сами увидите. Ну, будь что будет! Пжжалуйста, возьмите меня под руку.

Р ы б а к о в. Мерси.

М а ш а (хохочет). Рыбаков, не надо! Будьте таким, как есть, без мерси.

Р ы б а к о в. Присоединяюсь к этому мнению!

Уходят.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

В доме Забелиных. Рабочий кабинет Антона Ивановича, где давно уже никто не работает. Вечер. В кабинете сидят Забелина и ее гости: дама с вязаньем и ее муж — оптимист, дама испуганная и ее муж — скептик.

Забелина (*продолжая разговор*). Антон Иванович делается все более и более невозможным. На-днях я видела, как он бранился с каким-то монахом, вчера — стыдно сказать! — подрался с одним знакомым господином.

Скептик. В доме подрался или публично?

Забелина. У Малого театра, в семь часов вечера.

Скептик. И кто кого?

Забелина. Антон Иванович одолел, конечно. Вы послушайте, на какой почве вышел поединок. Господин этот был в подчинении у Антона Ивановича, а теперь, проходя в театр, позволил себе неприличную выходку. Он потрепал по плечу Антона Ивановича и допустил по отношению к нему покровительственный тон.

Испуганная. А господин этот — не большевик?

Забелина. Да нет, не большевик, но настроен современно.

Испуганная. Антон Иванович рискует быть посаженным в Чека.

Скептик. А кто теперь не сидел? Все сидели.

Испуганная. Но ты же не сидел.

Скептик. Не сидел, так буду.

Испуганная. Замолчи, ради бога! Хоть здесь перестань пугать меня.

Забелина. А я, глядя на Антона Ивановича, держу узелок с бельем. Я начинаю верить, что его посадят.

Оптимист. Антон Иванович настроения свои выражает эмоционально, а за эмоции не сажают.

Испуганная. Но он побил большевистски настроенного господина. Это — террор!

О п т и м и с т. При любом режиме бьют по морде, если это необходимо.

С к е п т и к. Все равно посадят Антона. Вот увидите.

И с п у г а н н а я. Этот человек может довести до слез.

С к е п т и к. Пол-Москвы говорит, что Забелин пошел торговать спичками. Вы думаете, что большевики — идиоты, ничего не понимают?

Д а м а с в я з а н ь е м. А наш Володька сделался футуристом. Теперь он целые дни читает какое-то ужасное «Облако в штанах».

З а б е л и н а. Ой, какой ужас! Неужели могут быть такие стихи?

Д а м а с в я з а н ь е м. У них это называется поэмой. Володька всех уверяет, что это величайшее произведение. Я вам не могу передать, до какой степени оно неприлично. Там автор от первого лица предлагает женщине невозможные вещи.

О п т и м и с т. А Пушкин не предлагал? Тоже предлагал.

Д а м а с в я з а н ь е м. Пушкин предлагал в рамках светского приличия, а Маяковский — бестактно.

О п т и м и с т. Все они одним миром мазаны. Пускай Володька будет футуристом. Все-таки хлеб!

З а б е л и н а. Неужели у большевиков за стихи дают паяк?

Д а м а с в я з а н ь е м. Я сама не верила но, правда — дают.

С к е п т и к. Посадят Антона, тогда увидите.

И с п у г а н н а я. Он меня доводит до слез. Морально он хуже инквизитора. Ты всем обещаешь тюрьмы и расстрелы.

З а б е л и н а. Дмитрий Дмитриевич, даже на правах родственника каркать нехорошо и неприлично.

Вошла М а ш а.

(Маше.) До сих пор работала?

М а ш а. Работала.

З а б е л и н а. Иди скорее поешь.

М а ш а. Не хочу.

З а б е л и н а. У тебя нехороший вид. Надо подкрепиться.

М а ш а. Не надо. После подкреплюсь. (*Здоровается : гостями.*)

О п т и м и с т. Вы где же работаете, Маша?

М а ш а. В Помголе.

О п т и м и с т. А это что же такое — Помгол?

М а ш а. Мы оказываем помощь голодающим.

О п т и м и с т. Так ли уж печально обстоят у нас дела, как об этом говорят?

М а ш а. Очень печально. Голод разливается, как всемирный потоп!

С к е п т и к. Не всемирный, а всероссийский. Американцы белыми булками кормят скотину, а у нас голод сокращает наполовину наше население. (*Жене.*) Докажи, что я преувеличиваю.

Входит З а б е л и н.

З а б е л и н а. Прости, Антон Иванович, что мы расположились в твоём кабинете. Здесь теплее.

З а б е л и н. Вижу. (*Здоровается.*) Был кабинет, а стал склеп. О чем говорили?

С к е п т и к. О чем теперь говорят? Голод, смертность, аресты... Родные темы.

З а б е л и н. Дикари захватили цивилизованное судно, команду выбросили за борт и сожрали все запасы... Дальше что? Кораблем надо управлять, а они не умеют. Социализм пообещали, а с какого конца его начинают — никто не знает. (*Скептику.*) Дмитрий Дмитриевич, ты знаешь?

С к е п т и к. Не знаю и знать не хочу!

З а б е л и н. Я в юности летал на луну... теоретически, конечно. А вот дочь за большевиков готова в огонь и

в воду. Все ее симпатии не на нашей стороне. Мы контрреволюция, бурбоны...

Является кухарка.

Кухарка. Матрос пришел... Забелиных спрашивает. Испуганная. Матрос? Зачем матрос?

Скептик. Не знаешь, что ли, зачем приходят матросы?

Забелина. Ах, не пугайтесь, пожалуйста! Это, наверно, не матрос.

Кухарка. Я не слепая... матрос как есть... сердитый.

Скептик. У меня при себе нет никаких документов. Не уйти ли нам с женой через черный ход?

Испуганная. Я боюсь уходить. Матросы нас могут поймать и заподозрить в бегстве.

Забелина. Не пугайтесь, пожалуйста. Он не матрос в нашем смысле. (Маше.) Что же ты? Иди, встречай!

Маша уходит. Молчаливое недоумение.

Забелин. По всей вероятности, это пришел поклонник нашей дочери. Он одевается, как герой «Авроры». Я видел.

Скептик. Но почему же ты допускаешь, чтобы герои «Авроры» делались поклонниками твоей дочери?

Забелин. А почему вы, милейший мой кузен, сию минуту хотели удрать из моего дома? Еще недавно вы ведь не допустили бы такую дурацкую мысль, что из дома Забелиных надо удирать. Нам плакать надо, а вы пронизируете!

Входят Маша и Рыбаков.

Маша. Господа... (И запнулась.)

Забелин. Что же ты замолчала? Ты перепугалась, что при твоём госте назвала нас господами? Но я тебя научу, как надо говорить. Ты скажи «граждане» — и твой гость не будет шокирован.

Маша (Рыбакову). Я вам говорила... папа всегда надо

мной подшучивает. (*Окружающим.*) Вот мой знакомый Александр Михайлович Рыбаков. Он воевал... видел много интересного.

Скептик (*здороваясь с Рыбаковым*). Безмерно счастливы...

Испуганная (*рассматривая Рыбакова*). Я не понимаю, вы матрос или штатский?

Рыбаков. Был матросом, но воевал на материке. Теперь демобилизовался.

Испуганная. А зачем же вы носите матросские брюки? Мы думали, что к нам обыск, а это вы пришли в гости.

Рыбаков. Почему же — обыск? Я никогда не подумаю, что ко мне обыск.

Скептик. Это понятно. Вы завоевали материк.

Рыбаков. До полного завоевания еще очень далеко.

Забелин. А когда придет полное завоевание?

Рыбаков. При социализме.

Забелин. В каком году?

Рыбаков. Простите, этого я вам сказать не могу.

Забелин. Не можете открыть вашу тайну?

Рыбаков. Просто не знаю.

Забелина. Садитесь, Александр Михайлович... Вот пепельница. Хотите посмотреть наш семейный альбом? Посмотрите!

Испуганная. Зачем вы даете семейный альбом? Там скучные люди... (*Рыбакову.*) Вот посмотрите: это виды Италии... Рим, Колизей, Везувий...

Забелина. Маша, иди, распорядись. Пора готовить чай.

Маша уходит.

Забелин. Бывали, сударь, в итальянских морях?

Рыбаков. Нет, кроме Балтики, ничего не видал.

Забелин. В партии коммунистов, сударь, состоите?

Рыбаков. Состою. А что?

Забелин. Интересно знать, что может думать коммунист, очутившись среди нас?

Рыбаков. Что же тут думать? Тут думать нечего.

Забелин. Конечно. Что же вам думать? Мы для вас буржуи и прохвосты. А эти буржуи всю жизнь работали, как каторжники. Капитализм за наш труд давал нам достаток и комфорт, остатки которого вы видите в моем кабинете. А коммунизм что мне может предложить? Хорошо. Я готов получать современное пропитание, но и в нем мне отказывают. Я не нужен новому обществу, потому что я умею строить электростанции, а их теперь закрывают. Я безработный. Нам теперь не до электричества. Бычачий пар пришел на смену электрической энергии. И я, как Прометей, теперь раздаю людям огонь. С утра до ночи стою у Иверской и торгую спичками.

Скептик. И тебя, как Прометея, посадят за это.

Забелин (*Рыбакову*). А вы что скажете, сударь?

Рыбаков. Я тоже не понимаю, почему вас до сих пор не посадили.

Скептик (*восторженно*). Слышите?! Слушайте!

Забелин. Пойдите к телефону и доложите.

Рыбаков. Они не нуждаются в моих указаниях. Но не в этом дело. Вы раздражены против нас... а попусту! Я бы на вашем месте давно работал. Между нами говоря, вы ведь не Прометей, а просто саботажник!

Забелин. А, каково?! Человек, в первый раз посетивший мой дом, удивляется, что меня не посадили, называет меня чорт знает как и в ус не дует. Он доволен собой. Что за люди входят в наши дома!

Оптимист. Наш Володька точно так же разговаривает. Он меня ежедневно называет недорезанным буржуем. Я терплю.

Забелин. Володька — ваш сын. А это кто? (*Рыбакову*.) Вы имеете хоть малейшее понятие об учтивости?

Рыбаков. Удивительное дело! Вы о советском строе говорили не очень учтиво, а я за него не щадил жизни.

Я не кричал, не выходил из себя. Я только сказал, что вы саботажник.

Забелин. Я вам правду сказал, сударь!

Рыбаков. Чепуху, а не правду! Это я вам сказал правду, а не вы.

Забелин. Постойте! Что я безработный — это неправда?

Рыбаков. Неправда!

Забелин. Что я вами выброшен, как старый башмак, — это неправда?

Рыбаков. Неправда!

Забелин. Тогда вот что... тогда, сударь, подите прочь отсюда! Я вас не знал и знать не желаю!

Рыбаков. А я не уйду!

Забелин. Ах, вот что... Я забыл, что вы можете реквизировать мою квартиру.

Рыбаков. Я не пришел реквизировать...

Забелин. Оставайтесь! Я уйду!

Рыбаков. А я вас не пушу. Мне смешно, что вы беситесь. По-моему, вы дикий человек!

Забелин. Дикарь?

Рыбаков. Дикарь.

Забелин. И вы явились меня просветить?

Рыбаков. А что же вы думали? Конечно!

Забелин (хохочет). Беда... Господа, он меня покорила своей наивной самонадеянностью! Нет, каков гусь! Он хочет просвещать. Слушаю вас, товарищ миссионер! Просвещайте!

Входит кухарка.

Кухарка. Пришел председатель домового комитета.

Забелина. Один?

Кухарка. Нет, не один.

Забелина. Не один?!

Кухарка. С ним какой-то военный... сердитый!

Председатель домового комитета часто постучал в полуоткрытую дверь. Его голос: «Нельзя ли войти?»

Забелин. Можно, можно...

Председатель входит, за ним некто в военной форме тех времен.

Председатель. Гражданин Забелин, они-с приехали лично за вами!

Забелин. Давно жду.

Военный. Если нетрудно — поторопитесь!

Забелин. Давно готов.

Военный. Пожалуйста.

Забелин. Не более одной минуты... *(Делает общий поклон.)* Простите... некстати созвал вас... *(Жене.)* Прощай!

Забелина *(дает мужу узелок)*. Да воскреснет бог...

Забелин. А Маша в столовой? Хорошо. Ну, я пошел.

Военный. Автомобиль стоит во дворе.

Забелин. Понимаю.

Забелина. Антон, нельзя так!

Военный, Забелин и председатель уходят.

Антон!.. Не пушу я его! Берите и нас! Ведите меня! А ордер? Верните председателя! Председателя!

Председатель возвращается.

А ордер вам дали?

Председатель. Не сомневайтесь. Все чисто и правильно... комар носа не подточит. *(Уходит.)*

Забелина *(вошедшей Маше)*. Ну, вот, Машенька, и осиротели мы.

Маша. За что же так? В партиях отец не состоял.

Рыбаков. Извините, пожалуйста. У меня другое впечатление. По-моему, Антон Иванович не арестован.

Скептик. Зачем же его увезли и куда, позвольте спросить?

Рыбаков. Не знаю, граждане, куда и зачем. Какой

смысла гадать. Хотите, Маша, пойдёмте со мной, тут недалеко. Если посадили,— скажут.

Маша. Мама, я пойду. Мама, не плачь.

Рыбаков. Прощайте. До свидания, Лидия Михайловна. Поверьте мне, у меня другое впечатление.

Рыбаков и Маша уходят.

Оптимист. Никогда не видел, как берут людей. Я думал — не так.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Кабинет Ленина в Кремле. Сидят Ленин, Сталин, Дзержинский. Входит секретарь.

Секретарь. В Кремль пришел часовщик. Его прислал Рыбаков.

Ленин. Ведите сюда.

Секретарь. Сию минуту. (Ушел.)

Ленин. Мне спать не дают куранты... молчат... Обязательно надо их пустить!

Входит часовщик. Старик-еврей. Одет в старинный и поношенный, но опрятный черный суконный костюм. Под жилетом — белая крахмальная пожелтевшая манишка, из-под рукавов видны такие же манжеты. Галстук — черная птичка. Он подобран, бодр и чем-то походит на француза. Пришел, поклонился и поставил на стул старый, поношенный саквояж.

Здравствуйте, товарищ. Вы будете часовой мастер?

Часовщик (подумал). Кустарь-одиночка.

Ленин. Простите, не понимаю, почему одиночка?

Часовщик. Теперь таких мастеров, которым имею честь быть я, называют — «кустари-одиночки без мотора».

Ленин. Как это — одиночка без мотора?

Сталин. Очевидно, часового мастера обидели! Скажите, кто вас обидел?

Часовщик. Я не пользуюсь случаем, чтобы лично

жаловаться товарищу Ленину. Я никогда не жалуясь. Меня пригласили работать.

Дзержинский (*интимно кивнул часовщику*). Жалуйтесь, жалуйтесь откровенно!

Ленин. А я сейчас попрошу горячего чаю. (*Позвонил.*) Скажите, чтобы нам дали чаю. (*Часовщику.*) Трудно жить? Голод, разруха, хаос? Устали? Голодаете?

Часовщик. Как все.

Принесли чай и одно блюдечко с сахаром, наколотым мелкими кусочками.

Ленин (*указал на Сталина*). А наш товарищ говорит, что вас обидели. Он ошибается?

Часовщик (*доля отчаяния*). Я не мог ожидать таких вопросов. Я был счастлив, что вспомнили обо мне. Ведь я когда-то в старые годы ремонтировал часы графу Льву Николаевичу Толстому!

Сталин. Ого... это не шутка. Толстой к плохому мастеру не стал бы ходить.

Ленин. А какой был Толстой? О чем он с вами говорил?

Часовщик. В сапогах... очень крепкий человек. Разве его портреты что-нибудь стоят! Я теперь плохо помню, о чем он говорил. Он любил расспрашивать... В часах толк знал.

Дзержинский. И платил, конечно, хорошо?

Часовщик. Нет. Я ему, как Льву Толстому, делал большую скидку.

Ленин. А он замечал это?

Часовщик. По-моему, не замечал.

Ленин. Чем же вы теперь обижены? Мы тоже страдаем этой слабостью — расспрашивать.

Часовщик. Я не ждал и не знаю, как вам сказать. Конечно, я понимаю, что «распалась связь времен», как говорит принц Гамлет.

Ленин. Быть или не быть?

Ч а с о в щ и к. Именно! Тысячу раз — именно! Мне не дают работать.

Д з е р ж и н с к и й. У нас существуют государственные мастерские... Там, наверно, плохо?

Ч а с о в щ и к. Мне приказали там работать, я пошел и взялся за работу, которую никто не мог сделать. Мне попался поразительный экземпляр английских часов, это настоящий Нортон, уникам. Их сделали до изобретения железных дорог. Им не меньше трехсот лет. Я работал месяц. За это мне устроили общее собрание и сказали, что я даром ем хлеб. А я в ответ имел неосторожность привести им басню Эзопа.

Л е н и н. Эзопа? Что же вы им сказали из Эзопа?

Ч а с о в щ и к. Я сказал им о той лисице, которая упрекала львицу за то, что несчастная львица за всю жизнь рождает одного детеныша. А львица ей на это ответила: «Зато я рождаю льва». Эзоп говорит — дело не в количестве, а в качестве.

Л е н и н. А что же они вам на это сказали?

Ч а с о в щ и к. Председатель собрания сказал, что Эзоп контрреволюционер и агент Антанты и я являюсь агентом Эзопа. Меня выгнали оттуда.

С т а л и н (со скрытым юмором). Как агента Эзопа?

Тут Ленин, склонившись над столом, начинает смеяться. Смеется Дзержинский, смеется Сталин. Смеется сам часовщик.

Л е н и н. А говорите, что вас не обидели! Конечно, обидели. Что же делать, они не читали Эзопа. Им важнее сейчас чинить будильники, чем английские уникамы. И вот у нас вам будет заказ.

Ч а с о в щ и к. Сию минуту. (Берет и открывает свой саквояжик, торопливо надевает луну.) Я готов.

Л е н и н. Видите ли, тут ваши инструменты не подойдут.

Ч а с о в щ и к. Мои инструменты?

Л е н и н. Тут будет нужно что-то другое.

Сталин. Вам потребуются ключи другого размера (показал размер).

Дзержинский. Там, по-моему, в механизме, пуды, сотни пудов.

Часовщик. Я же — часовых дел мастер.

Ленин. Вот мы и предлагаем вам пустить кремлевские куранты.

Часовщик. Как? Часы на Спасской башне?

Ленин. Да, батенька мой. Возьметесь?

Часовщик. Люди их сделали, люди их поломали, люди и должны заставить их работать.

Ленин. Но когда люди их делали, гимна «Интернационал» не было. Теперь нам нужно научить куранты играть «Интернационал». Научите?

Часовщик. Попробуем заставить.

Ленин. Отлично. Завтра же и приступайте к работе.

Часовщик. А сейчас я могу пойти туда? Мне не хочется ждать.

Ленин. Пожалуйста.

Сталин. У мастера хорошая школа. И хоть он является злостным агентом Эзопа, но дело свое любит.

Дзержинский. И если вам будут мешать, если окажутся затруднения, позвоните по этому телефону (дал записку).

Часовщик. А кого спросить?

Дзержинский. Дзержинского.

Часовщик. И он сам мне будет помогать?

Ленин. Да, мы его попросим об этом. А об условиях договоритесь с нашим комендантом.

Часовщик. Какие же условия! Я первый в мире часовщик, который будет настраивать кремлевские куранты на «Интернационал».

Ленин. Но паек вам не помешает?

Часовщик. О, да, паек мне, конечно, не помешает. Спасибо за этот заказ, за доверие. Извините, что я расстроен. Лучше всего — я отправлюсь в башню. (Ушел.)

Сталин. Категории, человеческие пласты.

Входит секретарь.

Секретарь. Пришел инженер Забелин.

Ленин. Проводите сюда.

Секретарь уходит. Входит Забелин.

Ленин. Инженер Забелин?

Забелин. Да.

Ленин. Антон Иванович?

Забелин. Да.

Ленин. Здравствуйте. Прошу вас, садитесь. (Сел.)

Молчание.

Так что же, саботировать или работать?

Забелин. Я не предполагал, что мои личные проблемы могут вас интересовать.

Ленин. Представьте себе — интересуют. Вот мы и хотели посоветоваться с вами по одному чрезвычайно большому вопросу.

Забелин. Я не знаю... Разве мои советы могут иметь значение?

Ленин. Кого вы хотите взять под сомнение — нас или себя?

Забелин. С некоторых пор у меня перестали спрашивать советов.

Ленин. Значит, людей занимали другие интересы... Как вы полагаете?

Забелин. Да, это так. У них были другие интересы.

Ленин. А сейчас понадобились ваши советы. Что же вас огорчает?

Забелин. Я несколько... так сказать, озадачен.

Дзержинский. Вам мешает узелок. Положите его куда-нибудь и садитесь.

Ленин. Вы, наверно, собирались пойти в баню? Сегодня суббота, время бани...

Забелин. Да, конечно... собирался идти в баню.

Ленин. Мы вас долго не задержим. Садитесь.
(Сталину.) Расскажите о вашей беседе с ученым.

Сталин (Ленину). Я полагаю, что гражданин Забелин не в курсе дела. Позвольте ввести его в самую суть вопроса.

Ленин. О да, конечно.

Сталин (Забелину). Нас, большевиков, всегда интересовали коренные проблемы переустройства здания России. Есть интерес — любительский или маниловский, приятный, но бесплодный. Мы противники таких интересов. Сейчас советское правительство интересуется вопросом, как нам самим, без варягов, своими руками, сегодня приступить к электрификации России. И я по поручению товарища Ленина беседовал с одним ученым человеком о строительстве электростанций на белом угле. Этот ученый человек — он до революции был акционером одной электрической компании — не очень охотно поддерживал наше собеседование. Однако, несмотря на свою неохоту поддерживать беседу, он довольно энергично утверждал, что у России для электричества нет будущего. Страна наша, как вы знаете, плоская, и реки в ней текут тихо, а для добычи электричества надо иметь что-нибудь вроде尼亚гарских водопадов.

Забелин. Так мог сказать, невежда.

Сталин. Простите, он авторитетный ученый.

Забелин. Или мошенник.

Сталин. Это другое дело.

Ленин. А почему мошенник? Вы докажите!

Забелин. Можно вас попросить к карте?

Ленин. Пойдемте, пойдемте!

Все идут к карте.

Забелин. Я берусь указать вам десяток мест, где мы можем сейчас, в естественных условиях, строить электростанции на белом угле. Вот и вот... А разве здесь нельзя?

Л е н и н. Что это?

З а б е л и н. Днепровские пороги.

Л е н и н. А где же здесь можно строить?

З а б е л и н. Я считаю, что где-то в низовьях, но не у моря, конечно.

Л е н и н. А хорошо бы здесь, у самого моря, на берегу, воздвигнуть огромный электрический замок... Знай наших!

З а б е л и н. Возьмите эти торфяные районы... Ангара на востоке, Эльбрус на Кавказе...

Л е н и н. Вы можете составить мне на эту тему общую записку?

З а б е л и н. Я затрудняюсь. Я давно не занимался подобными вопросами.

Л е н и н. Чем же вы занимаетесь?

З а б е л и н. Ничем.

Д з е р ж и н с к и й. Вы говорите неправду. Инженер Забелин торгует спичками.

Л е н и н. Как спичками?

Д з е р ж и н с к и й. Инженер стоит на улице и торгует с рук.

Л е н и н. Оптом торгуете или в розницу, по коробочке? Слушайте, это несчастье! Это стыд и срам, батенька мой! В наше время спичками торговать... За такие штуки надо расстреливать, как хотите!

З а б е л и н. Давно приготовился.

Л е н и н. К чему приготовились? Приятию мученического конца? Кто вас заставляет торговать спичками?!

З а б е л и н. Мне некуда приложить руки.

Л е н и н. Как это — некуда приложить руки? Что вы мне говорите!

З а б е л и н. Меня никто не звал.

Л е н и н. А почему мы должны вас звать? Разве до нас вы сидели и ждали, пока вас позовут? Впрочем, если вас не вдохновляет идея электрификации России, то можете торговать спичками!

Забелин. Не знаю.., способен ли я...

Ленин сердито отошел и не ответил.

Сталин. А этого мы, конечно, не знаем.

Забелин. Большевик из меня не получится.

Сталин. Это возможная вещь.

Забелин. В России предположено построить социализм. А я в социализм не верю.

Ленин (*вдруг быстро, весело*). А я верю! Кто из нас прав? Вы думаете, что — вы, а я — что я! Кто же нас рассудит? Ну, вот давайте спросим у Дзержинского. Он скорее всего скажет, что я прав, а вы — нет. Этого вам достаточно?

Забелин. Я понимаю, мои слова для вас детский лепет.

Сталин. Но ведь социализм — не ваша специальность?

Забелин. Да, конечно, я плохо разбираюсь.

Сталин. Зачем же вы беретесь судить не по специальности? Вы товарища Кржижановского знаете?

Забелин. Нет, не знаю.

Ленин. А он мне сказал, что у вас громадный опыт электрика, что вы строили... а вы спички продаете! Какая дикая вещь!

Забелин. Брошу. Не буду.

Дзержинский (*про себя*). Слава богу.

Ленин (*Дзержинскому*). Что вы сказали?

Дзержинский. Я сказал — слава богу.

Забелин. Судя по всему, мне предлагается браться за дело.

Сталин. Что касается меня лично, то я бы вам это посоветовал.

Забелин. Но вы меня плохо знаете.

Ленин. Немного знаем.

Забелин. Меня никто рекомендовать из партии коммунистов не может.

Ленин. Представьте себе, может.

Забелин. Не знаю, кто.

Дзержинский. Я.

Забелин. Откуда же вы меня знаете?

Дзержинский. По долгу службы.

Забелин. Ах, да... я это забыл.

Дзержинский. И раз уж я вас правительству рекомандую, то позвольте мне предложить вам совет. Сейчас вы сбиты с толку, не правда ли?

Забелин. Совершенно сбит.

Дзержинский. Взволнованы немного. Вам надо успокоиться. Пойдите домой, обдумайте, что случилось, а потом дайте ответ.

Ленин. Завтра дадите ответ?

Забелин. Да.

Ленин. До свиданья!

Забелин кланяется, идет к двери.

Дзержинский. Узелок забыли.

Забелин. Вот чорт,— не узелок!

Ленин. Баня! Баня... вы еще успеете!

Забелин. Нет, я в баню не шел. Все решили, что меня берут в Чека... и вот жена вручила узелок.

Ленин. Ах, вон как! Это другое дело. Пойдите! (Зовет секретаря.) Время у нас суровое. Теперь у вас дома — горе, слезы.

Входит секретарь.

Отправьте инженера домой в автомобиле... Немедленно отправьте!

Забелин и секретарь ушли.

Ленин. Ну, как? Пойдет работать?

Дзержинский. Пойдет, конечно.

Сталин. Задних мыслей у него немного. Что было,— сразу выложил.

Л е н и н. Скорее бы поднять таких медведей... сотни их попрятались.

С т а л и н. Поднимем, Владимир Ильич!

Л е н и н. Так что же, дорогие товарищи, надо начинать заседание Совета труда и обороны.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

В кабинете Забелина, в тот же вечер. Те же лица, кроме Забелина, Маши, Рыбакова.

С к е п т и к. А я вам говорю, что мы обязаны проверить ордер на право ареста.

З а б е л и н а. Проверь, не проверь — мне легче не будет. Результат один.

И с п у г а н н а я. Никогда, даже на смертном одре, не забуду этот кошмарный вечер. Если бы все это мне приснилось, я бы вскочила и стала кричать. А то наяву, — пришли, ни слова не сказали и увезли.

С к е п т и к. Пойдем домой. Тебя трясет. Теперь целый месяц она будет страдать бессонницей. Даже американские патентованные таблетки не помогают.

З а б е л и н а. Подождите, сейчас Маша вернется.

Является кухарка.

К у х а р к а. Лидия Михайловна, никак, дом оцепили. Из тех окон гляжу — солдаты, из этих — опять солдаты.

И с п у г а н н а я. Потушите свет!

О п т и м и с т (с м о т р и т в о к н о). Солдаты... это обыкновенные солдаты.

С к е п т и к. А вы думаете, за вами пришлют необыкновенных солдат?

О п т и м и с т. Они стоят и чего-то ждут.

И с п у г а н н а я. Я умоляю, потушите свет!

С к е п т и к. Но в темноте тебе сделается еще страшнее!

Д а м а с в я з а н ь е м. А я ничего не боюсь, но, по-

моему, тоже лучше потушить свет и зажечь масляную копилку. Лидия Михайловна, у вас есть лото?

Забелина. Лото? Для чего?

Дама с вязаньем. В случае, если придут и станут проверять, а мы в лото играем.

Оптимист. Только не надо падать духом! Лото — так лото! Несите лото!

Испуганная. Но потушите свет!

Забелина (кухарке). Прасковья, неси банку с фитилем. (Тушит свет.) Сейчас достану лото. (Ушла.)

Молчание.

Дама с вязаньем. Я думаю, что надо играть на деньги.

Испуганная. Как можно на деньги!.. Как можно, ведь это азарт!

Дама с вязаньем. Ну, на орехи!

Скептик. Где же мы возьмем орехов?

Дама с вязаньем. У Забелиной найдутся.

Входит Забелина. В руках светильник и лото.

Забелина. Разбирайте карты. Кто будет выкликать номера?

Дама с вязаньем. Лидия Михайловна, у вас орехи есть?

Забелина. Ах, милая, не до орехов мне!

Испуганная. Дайте мне мешочек. Я буду объявлять.

Забелина. Сейчас должна Маша притти... По-моему, она узнает что-нибудь...

Испуганная. Двадцать два... шесть... девяносто один!

Является кухарка.

Скептик. Ну, что?

Кухарка. Теперь они напротив стоят. Должно быть, сердитые, на наши окна смотрят.

Забелина (кухарке). Прасковья, смотри из столовой... В случае, если придут, скажи, что у нас гости.

Все. Не надо.

Забелина. Нет, ты лучше ничего не говори!

Кухарка уходит.

Испуганная. Сорок четыре... двадцать шесть...

Оптимист. У меня квартира!

Испуганная. Тринадцать... шестьдесят один... восемьдесят один...

Является кухарка.

Забелина. Что ты?

Кухарка. Никак, пошли прочь... (Подошла к окну.)
Нет, они здесь на углу в кулигу собрались.

Скептик. С ружьями?

Кухарка. С ружьями...

Испуганная. Два... один... Я не могу больше! Кто-то идет! Кто-то шагает сюда! Зажгите свет!

Зажигается свет. В дверях стоит Забелин.

Забелина. Антон Иванович... ты?!

Забелин. Я.

Забелина. Антон... Да что же ты стоишь-то? Садись, пожалуйста, милый мой Антон Иванович. (Зовет.)
Маша! Где же она? Ах, я все забыла... Зачем ушла Маша? Что же ты стоишь, Антон, в недоумении? Дай же я тебя поцелую! (Обняла, слезы.)

Забелин. Не плачь, не плачь.

Забелина. Извини. Мы ведь решили, что ты погиб... и руки у меня совсем опустились. Только один добрый человек не потерялся...

Забелин. Какой же это добрый человек?

Забелина. Тот, что к нам пришел. Имя забыла.

Забелин. Матрос! Этот не потеряется.

Забелина. Туча-то какая над нами прошла, господи!
Что же это было? Ошибка?

Забелин (со своим значением). На этот вопрос я должен завтра дать ответ.

Забелина (всматривается в него). Странное у тебя лицо. Ты страшно взволнован, Антон Иванович. Я одна знаю тебя. Что случилось? Где ты был?

Забелин. Не помню.

Забелина. И взволнован, и будто весел, и опять в своей манере. «Не помню». Ничего не помнишь, ничего не видал?

Забелин. Я видел, как почва уходит из-под ног. (Скептику.) Кто целый год из меня душу тащил? Ну, что? Посадили?! Они знают Забелина! Полагали расстрелять, а не стали, потому что Антон Забелин один. Чего смотрите? Разве я не похож на самого себя? А что такое — быть похожим на самого себя?

Забелина. Антон, ведь твои аллегории никому непонятны.

Забелин. Не бойся, он меня отлично понимает! Где Маша? Я с утра ничего не ел, Лидия Михайловна. Ты посмотри, у нас гости, а стол не накрыт. Из твоих запасов можно сделать старинный московский стол. Достань наше студенческое вино, которое мы покупали по полтиннику за бутылку.

Забелина. Я все сделаю, но ты скажи, где ты был?

Скептик. Куда тебя возили?

Оптимист. Ты был в отлучке ровно три часа.

Забелин. Не три часа, а три года.

Забелина. Опять... аллегории, загадки?!

Забелин. Меня сделали фельдмаршалом и приказали покорить Индию!

Вбегает Маша.

Маша. Я стремглав бежала. Нам ничего не смогли сказать, но Рыбаков меня уверял... Я стала у парадного и боюсь ступить за порог. Я думала... все прошло! Папка мой!..

Забелин. Не плачь. И сердчишко-то как стучит. Любишь вздорного отца?

Маша. Люблю.

Скептик. Где ты был?

Забелин. В Кремле.

Скептик. И все?

Забелин. И все.

Забелина. Но ты расскажи подробности.

Забелин. Там не было подробностей.

Дама с вязаньем. Я понимаю Антона Ивановича. Он так романтически появился в доме, что я одна все вижу. Антон Иванович, у вас романтическое настроение. Вы загадочны. Я обожаю вас, Антон Иванович! Не надо его спрашивать. Вам надо побыть наедине? Я ведь права, я понимаю?!

Забелин. Мне надо поговорить с Марией.

Забелина. Все это к благу, к добру. Он ведь последние месяцы только и делал, что ссорился с Машей.

Скептик. Но почему он на меня накинулся? Точно я виноват в этом происшествии!

Оптимист. Если дело кончается стаканом студенческого вина, то как вы можете негодовать, почтеннейший друг мой?!

Ушли все, кроме Забелина и Маши.

Забелин. Что это за платье на тебе? Для своего поклонника принарядилась?

Маша. Я в этом платье ежедневно хожу на работу. А поклонников никогда нарядами не прельщала. Ты сказал глупость.

Забелин. Глупый старик?

Маша. Неужели тебе интересно сейчас говорить о поклонниках?

Забелин. А где же Ромео?

Маша. Какой Ромео?

Забелин. Современный, советский... Где матрос?

Маша. Мы ведь ходили узнать, что с тобой.

Забелин. От радости, что ли?

Маша. Как можно? Как тебе не стыдно!

Забелин. Я не про тебя. Я про него говорю.

Маша. Ты его не знаешь — и не говори.

Забелин. Дура ты, дура, не пошла за капитана Алейского. Теперь жила бы в Париже.

Маша. Мне передавали, что капитан Алейский в Париже на балалайке играет.

Забелин. Лучше в Париже на балалайке играть, чем в Москве торговать спичками.

Маша. Отчего же ты в Париж не уехал? Тебя звали.

Забелин. Оттого, что я русский.

Маша. А я что же?

Забелин. Вы, женщины, — хамелеоны. Елена Прекрасная у Трояна жила довольно удобно. Саламбо варвара полюбила. Ты — матроса. Я без репы жить не могу; там, в Париже, лягушками кормят... *(Вдруг запел какую-то легкомысленную французскую песенку, пробежался по комнате, как по панели, остановился перед Машей.)* Неужели жизнь прошла? Дочка моя, Машенька, посмотри на меня — прошла жизнь?

Маша. Милый мой, скажи, о чем ты думаешь? Нельзя так. Почему жизнь прошла?

Забелин. Нет, я говорю, где же матрос-то?

Маша. Зачем тебе?

Забелин. Мне бы сейчас с ним надо бы побеседовать. Сядь... Никуда не пушу. *(Взял с полки книгу.)* Электротехника инженера Антона Забелина. Машка, ты еще девчонкой была, когда я этот труд писал. Бывало, придешь сюда и скажешь: «Папа, ты пишешь? Ну, я тут посижу...» Посидишь, а потом мне на закорки залезешь, и мы с тобой по кабинету носимся. А теперь ты у нас большая, умница, и отец робеет перед тобой. Все, что я тут говорил, — ни к чему. Ты ведь поняла. Я, видишь ли,

у них в Кремле был... Что ж ты молчишь? Радуйся, веселись, выскажи мнение...

Маша. Тебе досадно, что ли, что тебя позвали?

Забелин. А тебе радостно?

Маша. Мне было бы очень радостно, если бы ты об этом не так говорил.

Забелин. Ты знаешь, что сию минуту случилось? Я считал себя ученым человеком, строителем, создателем, и вдруг все полетело в тартарары!

Маша. Папа, говори ясней, что произошло?

Забелин. Я всю жизнь коптел, с ума сходил, проблемы выдвигал, и все летит в тартарары! Чепуха, поденщина, ничтожная суета... Убили твоего Забелина, сразили... Я не сразу, а по дороге понял весь смысл их идеи.

Маша. Расскажи спокойно, я ничего не знаю, понять тебя не могу.

Забелин. Не торопи. Маша. До завтра мы с тобой все обдумаем до полной ясности. Я ведь завтра должен дать ответ...

Маша (*глубокая радость*). Тебе предлагают работать?

Забелин (*шопотом*). Велят, серьезно велят. Теперь я спичками торговать не могу. Слово дал.

Маша. Слава богу!

Забелин. И ты — слава богу... Вот что, милая моя. Мне надобно у тебя, только у одной тебя спросить, потому что ты-то меня прекрасно понимаешь и ты уж у них наторела. Мне, Маша, у тебя по секрету надобно узнать, гожусь я, по нынешним временам, или долой со счетов?

Маша. Ты... ты спрашиваешь? Конечно, годишься. Я тебе честное слово даю.

Забелин. Постой, порывы тут к делу не идут.

Маша. Да разве позвали бы тебя в Кремль?..

Забелин. Опять не то. Они знают Забелина, ты — отца.

Маша. Ты сам вспомни, на какой почве мы чуть до полного разрыва с тобой не дошли?

З а б е л и н. Ты меня работать тащила... Опять-таки ты моего вопроса не понимаешь. Поставь рядом со мной матроса и подумай, уживусь ли я с ним? Я серьезно спрашиваю. Мне сейчас не до сарказмов. Матрос и я в одном колесе возможны?.. (Ждет ответа.)

Маша молчит.

А? Такую комбинацию и ты не можешь представить себе. М а ш а (вдруг). Могу! Тебе надо дать любимое дело. Ты лучше скажи, что тебе предложили.

З а б е л и н. Скажу потом... Постой... посмотри на меня... неужели гожусь?

М а ш а. У меня слов нет. Я не знаю, что отдала бы, лишь бы ты мне поверил.

З а б е л и н. Машка, а Россию-то... самоварную попадью, паровую Россию они хотят по-боку!.. Каково!

М а ш а. Так о чем же ты думаешь?.. Что ты осматриваешься? Чего тебе жалко? Иди... торгуй спичками... (Передразнивает.) «Серные, довоенные... безопасные...»

З а б е л и н. Не смей надо мной куралесить!

М а ш а. Скажи, милый мой, о чем ты думаешь?

З а б е л и н. Я думаю, что кабинет мой страшно запущен. Тебе не стыдно? Отец инженер, а в кабинете бакалейный склад. (Зовет.) Прасковья!

Является кухарка.

Несите метлу, скорее!

Кухарка уходит.

Мария, очищай стол... Вон отсюда всю эту шваль! Сядь на минуту. Я тебе что-то скажу.

М а ш а. Слушаю, папа.

З а б е л и н (тихо). Я сейчас видел гениального человека.

А К Т III

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Каземат внутри Спасской башни, где устроен часовой механизм.
Ночь. Часовщик возится у механизма.

Ч а с о в щ и к (*поет*). «Вставай... проклятем заклеименный...» Кто скажет, в каком духе я пою — в минорном или мажорном? Когда ум уходит за разум, то голова делается пустой, ненужной вещью. (*Постучал по лбу.*) Слушайте, кто там? Ответьте мне, что такое минорное и мажорное? А? Я ничего не слышу. Молчит мозг. Может быть, я сплю? Вот вода, вот хлеб, вот я. (*Пьет воду.*) При чем мой ум, если нет слуха, нет музыкального дарования? Вот дочь, она пианистка, она мне говорит: «Папа, у тебя минорное настроение», и я понимаю — это плохое настроение, но настроение не музыка, хотя от музыки происходит настроение... (*Рассердился.*) Здесь должна сидеть консерватория и думать, думать всю ночь, какой тон дать курантам. Это же не будильник, господа музыканты, а кремлевские часы! Где вы, господа музыканты? Спите дома, как полагается нормальным людям, а я, как сумасшедший человек, в три часа ночи настраиваю куранты... Вот механизм — это мое дело. Я часовых дел мастер, а куранты — это музыка, а я не Римский Корсаков.

Раздается звук курантов. Часовщик долго слушает.

А что случится, если я позову сюда кого-нибудь из стра-

жи? И вдруг на счастье у этого человека окажется хороший слух! Мне нужен живой человек! Я не философ, который бывает один, я мастер. И я должен показывать людям свою работу. (Ушел.)

Механизм продолжает медленно действовать. Куранты отбивают два удара.

(Возвращается.) Они не могут мне помочь. Они охраняют Кремль. Но, товарищ часовой мастер, давайте раз и навсегда условимся, что есть галловница: «Когда берешься за гуж...» (Прислушался.) В этой башне все что-то кажется... Все сначала! Двадцать раз сначала, сто раз... (Принимается за работу.)

Является Рыбаков.

Рыбаков. Извините... кажется, поздновато?

Часовщик. Кто это?

Рыбаков. Представитель бессонницы, науки и вдохновения.

Часовщик. Это вы... тот самый? Откуда вы?

Рыбаков. С Театральной площади, прямо из окна своей каюты махнул сюда. Сижу, занимаюсь науками и по привычке к свежему воздуху открываю окно. Только дошел до разрушения Карфагена, вдруг слышу странный колокольный перезвон. Я понял все, оставил Карфаген и бросился сюда. Значит, можно поздравить? Говорите, дорогой. Я же сам слышал — звонят.

Часовщик. Если вы думали меня поздравить, то Карфаген оставили напрасно.

Рыбаков. Я же сейчас здесь, на площади, слышал — играют!

Часовщик. А что играют?

Рыбаков. Бьют, звучат, живут.

Часовщик. Вы бываете безумным?

Рыбаков. Смотря по обстановке.

Часовщик. Вот у меня сейчас такая обстановка.

Рыбаков. Понял. Короче говоря, что надо делать?

Ч а с о в щ и к. Слушать.

Р ы б а к о в. И только?

Ч а с о в щ и к. У вас есть музыкальное дарование?

Р ы б а к о в. Сомневаюсь. На корабле пел вторым голосом.

Ч а с о в щ и к. Достаточно. Теперь стойте и слушайте.

Р ы б а к о в. Есть стоять и слушать.

Часовщик пускает куранты. Нестройный перезвон.

Ч а с о в щ и к. Что это вам напоминает?

Р ы б а к о в. Ничего не напоминает.

Ч а с о в щ и к. А вы мне кричите — играют! Мне нужен «Интернационал», а это что? Это хаос, без ритма, без мысли. Я говорю, здесь должна сидеть консерватория, чтобы дать мне музыкальную мысль.

Р ы б а к о в. Я могу пригнать сюда кого угодно.

Ч а с о в щ и к. Их же надо где-то искать, будить.

Р ы б а к о в. В чем вы сомневаетесь, отец? Можно разбудить всю консерваторию. Я берусь вам сейчас же доставить сюда какой хотите консилуим. Вы говорите — надо или не надо?

Ч а с о в щ и к. Слушайте. Знаете что? Лучше не надо. Тут подымется такая история, что голову потеряешь. Они привыкли работать с такими вот крючочками, а тут колокола по сто пудов. У них пишется скрипичный ключ, а тут требуется вот какой ключ... (Показал гасечный ключ.) Мне нужен один человек с душой... У вас хватит терпения остаться со мной до утра?

Р ы б а к о в. Сколько угодно. Я готов крутить всю эту машину, готов вместо маятника качаться, но нам отступать нельзя.

Ч а с о в щ и к. Именно вы мне и нужны. Надо найти правильно первый колокол... потом второй... Мне казалось, что я находил мелодию, но я не доверяю своему слуху.

Р ы б а к о в. Сначала пробуйте то, что, по-вашему, выходило.

Ч а с о в щ и к. Я сделаю вам удар первого колокола.

Бьет колокол.

Что?

Р ы б а к о в. Задача!

Ч а с о в щ и к. Задача? Я сам знаю, что задача. Я хочу знать, что вам слышится?

Р ы б а к о в. Подождите сердиться. У меня нет опыта.

Ч а с о в щ и к. А у меня есть опыт?

Р ы б а к о в. Я же ничего не говорю. С одного удара ничего не поймешь. Меня интересуется... как это называется? — гамма!

Ч а с о в щ и к. Но гамма имеет свое начало, свое вступление.

Р ы б а к о в. Если вступление остановилось, то это не вступление, а отступление.

Ч а с о в щ и к. Так мы не договоримся. Вы путаете музыкальное вступление с войной.

Р ы б а к о в. Ничего я не путаю. Вы гамму создавайте... вот в каком направлении должны у нас шарики работать. Вы найдите ту самую мелодию, которая у вас была.

Ч а с о в щ и к. Хорошо, сейчас найду. (*Возится у механизма.*)

Р ы б а к о в (*осматривается впервые*). Старинная машина. Наверно, какие-нибудь немцы строили.

Ч а с о в щ и к. Кажется, англичане.

Р ы б а к о в. За что ни возьмись — немцы, англичане, шведы. «Правду» сегодня читали?

Ч а с о в щ и к. Я вторые сутки дома не ночую. А что случилось?

Р ы б а к о в. Начинается электрификация России.

Ч а с о в щ и к. Я маленький человек, мое главное дело сейчас — заставить играть куранты. Слушайте!

Куранты играют что-то близкое к мелодии
«Интернационала».

Рыбаков (кричит). Стоп!.. Стоп!..

Часовщик остановил механизм.

Поймал... Это удивительная штука. Повторите снова! Нет, не надо! Тут нужно колокола переставить...

Часовщик. Я тоже думаю. Три или два?

Рыбаков. Три...

Часовщик. Я тоже считал, что три, но я не верил своему слуху. Я знаю... Только надо подумать... (Он весь в своем механизме.) Электрификация России... Это навряд ли выйдет...

Рыбаков. О колоколах думайте!

Часовщик. Не бойтесь, я думаю. А вы что скажете об электрификации?

Рыбаков. Я скажу, что выйдет.

Часовщик. Вы, большевики, от нас, знаете, чем отличаетесь?

Рыбаков. Чем?

Часовщик. Когда мы считаем — не выйдет, вы считаете — выйдет, и — наоборот.

Рыбаков. А я думаю так: что если у нас с вами ничего не выйдет, то сначала вы будете прыгать отсюда вниз, а потом я.

Часовщик. Лучше вы вперед, а потом я.

Рыбаков. Нет, уж вместе.

Часовщик (вдруг в ином тоне). А что вы думаете, я и прыгну! Я разобью голову об эту стену! За тридцать пять лет работы я не имел ни одного выговора от заказчиков. И если я запорю эту работу, я для себя кончился. (Бросил свой инструмент.)

Рыбаков. Что с вами?.. Ведь дело пошло на лад.

Часовщик. Где пошло? Что пошло? Я перепутал все колокола! Посмотрите сами, я сбил начало... Я сто раз все путаю.

Рыбаков. Мне пришла в голову мысль... Не доста-

вить ли нам сюда рояль? (Осмотрелся.) Тесновато... Пианино тоже не пройдет. Что же еще выдумать?

Часовщик. Нашел! Я переставлю третий колокол на пятый, пятый пойдет вторым... Давайте теперь молчать... Только молчать! (Работает.) Включаю бой.

Рыбаков. Есть — тяните трос...

Часовщик. Как? Зачем?

Рыбаков. Башня гудит. Мы плохо слышим звуки. Отец, ты сам пойми — надо слушать там, внизу, на воздухе. Я сейчас крикну тебе оттуда. Секунду. Подожди!

Рыбаков исчезает.

Часовщик. Скорей, скорей... раз, два, три...

Голос Рыбакова снизу: «Слушаю!»

Часовщик пускает механизм. Куранты правильно играют начало «Интернационала». Бой прекратился. Часовщик неподвижно стоит у механизма. Вбегает Рыбаков.

Рыбаков. Иди и сам послушай!

Часовщик. Я ничего уже не могу.

Рыбаков. Вышло! Мелодия звучит!

Часовщик (безразлично). Мелодия... (Вдруг.) Вышло?!

Рыбаков. Вышло, мелодия звучит!

Часовщик. И не было фальши, фальшивых нот?

Рыбаков. Окончательно получилось.

Часовщик. Подождите, до окончания еще далеко. Я вас ни за что не отпущу. Только вам будет очень трудно ходить по этим лестницам.

Рыбаков. Преодолеем! Лучше вы отдохните. Вы страшно устали.

Часовщик. Нет, теперь я не устал. Я вас ни за что не отпущу, вы теперь будете вместо всей консерватории. Теперь я чувствую себя героем собственного дня!

Рыбаков. А в самом деле, отец, как это интересно получается! Вся Москва спит, и кому же может присниться, что мы тут с тобой в башне создаем!

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Большая зала для заседаний в Кремле. Ленин и его секретарь.

Ленин (смотрит на часы). Английский писатель приехал?

Секретарь. Он только что вошел. (Улыбнулся.)

Ленин. А чему вы улыбаетесь?

Секретарь. Мне странно, как он все у нас осматривает, ощупывает.

Ленин. Он же приехал из Лондона, к тому же писатель. Вы разве не читали?

Секретарь. Читал.

Ленин. Пожалуйста, просите писателя ко мне. После встречи с ним у меня намечено закрытое совещание. Пойдите, что вам сказал часовщик?

Секретарь. Сегодня, говорит, сегодня.

Ленин. Надо же позвать Рыбакова. Позовите его непременно. И, пожалуйста, еще раз позвоните инженеру Забелину, и еще раз скажите, что ему придется говорить на государственном совещании, имеющем решающее значение. А теперь, пожалуйста, пригласите английского писателя.

Секретарь ушел.

Говорят, что это интересная личность, друг Эдисона, передовой ум.

Входит английский писатель.

Я заставил вас ждать?

Англичанин. О, нет.

Ленин. Милости прошу. (Протягивает руку.) Ульянов-Ленин.

Англичанин садится.

Долго ли вы думаете оставаться в Советской России? Над чем работаете?

Англичанин. Я собираюсь написать обширную книгу против Маркса.

Ленин (*улыбнулся*). Это должно быть интересно.

Англичанин. Он мне надоел!

Ленин. Кто?

Англичанин. Я говорю, Маркс.

Ленин. Разве вы так много занимались его учением?

Англичанин. Откровенно говоря, до конца я никогда его не мог дочитать. Но я знаю его догмы... знаю все его штуки!

Ленин. Тогда, конечно, вам и карты в руки.

Англичанин (*искренне, с чувством*). Пожалуйста, не подумайте, что я верю утверждениям западной прессы, будто вы — масон.

Ленин. Я знаю, обо мне пишут много вздора.

Англичанин. Но мне кажется, что в одном они правы.

Ленин. Интересно, в чем?

Англичанин. В том, что вы оторваны от русской жизни.

Ленин. Почему вам это кажется?

Англичанин. К вам очень трудно проникнуть, здесь так много часовых. Как же вы можете иметь связь со своим народом?

Ленин. Связь с народом от часовых не зависит.

Англичанин. Но вернемся к Марксу.

Ленин. Я вас слушаю.

Англичанин. Я не понимаю, как вы, мистер Ленин, можете делить мир на бедных и богатых? Это примитивно, грубо и плоско. Среди богатых есть честные люди, как и среди бедных. Передовые честные люди из богатых и бедных должны объединиться и построить разумный социализм. Я вижу по вашим глазам, что вы не верите в эту идею.

Ленин. Ни на грош не верю.

Англичанин. О-о... это же фанатизм, — верить только в одну идею большевистского социализма!

Ленин. Ваше правительство истратило много денег, чтобы пушками доказать несостоятельность наших идей.

Англичанин. Я был одним из тех, кто протестовал.

Ленин. Да, да, я знаю... вы один из тех честных... И не помогло?

Англичанин. Да, не помогло.

Ленин. А почему не помогло?

Англичанин. Потому что у них власть, а не у нас.

Ленин. У них банки, у них пушки... а у вас честность. Что такое ваша честность по сравнению с самой плохой пушкой? Только вы соберетесь начать свой разумный социализм, а они поставят одну самую плохую пушку, и — бац по вашему социализму! Послушайте, это ведь вещь вполне возможная... Что же тогда вам делать? Отстреливаться? Но ведь это же большевизм! Бежать! А как же социализм?

Англичанин. Мистер Ленин, это обычная красная пропаганда!

Ленин. Но я же самый настоящий красный!

Англичанин. Мистер Ленин, я удивлен...

В это мгновение доносится звук курантов, два-три такта из «Интернационала».

Ленин (*прислушался*). Чем?

Англичанин. Вы находите в себе юмор, а между тем всякому беспристрастному наблюдателю, явившемуся с Запада, легко заметить, что вы на краю гибели.

Ленин (*серьезно*). Пожалуйста, расскажите, что вы у нас заметили.

Англичанин. Я заметил, что люди в России очень плохо побриты.

Ленин. Да, побриты они неважно.

Англичанин. К тому же они все страшно оборваны... Может быть, вам эта тема неприятна?

Ленин. Пожалуйста, продолжайте! Мне очень интересно, что вы у нас еще увидели.

Англичанин. Все люди ходят с какими-то свертками. Я сначала не мог понять, в чем дело. А потом мне рассказали... Это их пища... обед. Они из своих учреждений несут домой в газетах поречь.

Ленин. Кашу.

Англичанин. У вас никто не гуляет по улицам. Все куда-то бегут. У Максима Горького всего один костюм.

Ленин. Неужели? Он вам говорил?

Англичанин. Мне сказали его близкие.

Ленин (как бы про себя, задумчиво). Всем трудно... Горькому тоже трудно... (Вдруг прищурившись, прямо — англичанину.) А сколько у вас костюмов?

Англичанин. Я не помню... десять, двенадцать...

Ленин. У вас двенадцать, а у Горького один. Видите, какая разница! Но продолжайте, пожалуйста!

Англичанин. Когда я простудился, то в аптеке не нашлось никаких лекарств.

Ленин (горько). Это ужасно... я знаю, это ужасно.

Англичанин. Мне показали хлеб, который не есть хлеб, но я слышал, что где-то в районе Волги русские умирают от голода. Это правда?

Ленин. Правда.

Англичанин. Разве человеческие силы в состоянии остановить эту катастрофу! В России в скором времени никого не останется, кроме деревенских мужиков. Железные дороги заржавеют, так как ваши города перестанут существовать. Я вижу Россию во мгле, в страшной мгле ее конца, катастрофы, гибели...

Ленин (просто, задумчиво). Наверное, мы производим жуткое впечатление. Во мгле... Наверное, и мгла есть. Нет, нет, я не спорю, наверно, все это так и кажется...

Англичанин. Я слышал, что вы предлагаете план электрификации России?

Ленин. Мы предложим этот план народу.

Англичанин. Вы мечтатель, мистер Ленин. Перед вами огромная, плоская, замерзающая страна, скорей с

азиатским, чем с европейским населением, страна, испускающая смертельный крик... а вы мечтаете дать ей электричество! Вы странный мечтатель, мистер Ленин!

Ленин. Приезжайте к нам через десять лет...

Англичанин. Но будете ли вы через десять лет!

Ленин. Будем. Не верите? Приезжайте и увидите, что будем. Я мечтатель. Мне кажется, что вообще мы навсегда, навеки.

Англичанин. Я понимаю, мистер Ленин, что каждое ваше слово имеет серьезное значение... Если вы так верите, то у вас есть тайны, которых на Западе не знают.

Ленин. О, напротив! Мы очень откровенны... слишком откровенны...

Англичанин. Почему вы верите и мечтаете?

Ленин. Но вы же рассердитесь! Вы опять скажете, что это обычная красная пропаганда. Я верю в рабочий класс,— вы — нет. Я верю в русский народ,— вас он ужасает. Вы верите в честных капиталистов, а я нет. Вы придумали чистенький, милый, рождественский социализм, а я стою за диктатуру пролетариата. Диктатура — слово жестокое, тяжелое, кровавое, мучительное. Таких слов на ветер не бросают, но иначе нельзя мечтать об электрификации, социализме, коммунизме... Простите, я говорю обычные вещи. У меня нет никаких тайн.

Англичанин. Ваша вера может потрясти... или свести с ума! Это невозможно понять! Перед вами несчастье, ужасы, а вы над пропастью говорите об электрификации... Я отказываюсь понимать!

Снова быют куранты: опять две-три ноты из «Интернационала».

Ленин. Приезжайте к нам через десять лет.

Англичанин. Нет, вы что-то скрываете. Вы знаете что-то, чего не знают у нас на Западе, но не говорите!

Ленин. Даю вам честное слово, что мы все и до конца говорим открыто!

Англичанин. Вы утомлены. Я это заметил, когда вошел. До свиданья, мистер Ленин! Благодарю вас за беседу! Может быть, вы и правы, а я неправ. Будущее покажет! До свиданья!

Ленин. До свиданья! А все-таки, приезжайте к нам через десять лет!

Англичанин. Ол-райт!

Англичанин ушел.

Ленин (*задумался и вдруг засмеялся*). Какой мещанин, а? Какой безнадежный филистер!

Входит секретарь.

Все в сборе? Можно начинать?

Секретарь. Все.

Ленин. Рыбакова вы нашли?

Секретарь. Да, он приехал.

Ленин. Позовите-ка мне его.

Секретарь уходит. Является Рыбаков.

Здравствуйте, товарищ Рыбаков. Ну, что, ваша любовь еще не прошла?

Рыбаков. Не проходит.

Ленин. Помните, что я вам по секрету говорил?

Рыбаков. Помню.

Ленин. То-то. А в университет вас принимают?

Рыбаков. Должны принять. Дни и ночи работаю.

Ленин. А вам сказали, зачем я вас позвал?

Рыбаков. Нет.

Ленин. Ваш мастер сегодня сдает часы.

Рыбаков. Знаю.

Ленин. Я даже не верю, немного волнуюсь.

Рыбаков. Вы подождите, пожалуйста. (*Направляется к дверям.*)

Ленин. Куда же вы? Оставайтесь у меня. Здесь тоже бывают университеты.

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Та же зала. Теперь здесь идет большое государственное совещание. Бросаются в глаза фигуры эпохи военного коммунизма. Здесь можно увидеть людей в косоворотках под пиджаком или кожаной тулупкой, которая преобладала в костюме того времени. Обязательно будут люди военного стиля, еще недавно дравшиеся на фронтах. Среди них мы увидим не одну фигуру людей штатских, сохранивших облик революционеров или общественных деятелей России 1917 года.

В глубине за столом Ленин.

Некоторые из участников совещания, очевидно, впервые видят Ленина. Для них все здесь вновь, необычайно, волнует. Никто не курит. Полная тишина. Строгость. Глубокая озабоченность. Многие делают заметки в своих записных книжках и блокнотах.

Ленин перечитывает какие-то записки, откладывает их, делает пометки.

Инженер Забелин в это время заканчивает свое выступление.

Забелин. Я свой доклад заканчиваю. Прошу извинить меня за некоторую сбивчивость и взволнованность, ибо я впервые говорю на столь значительном государственном совещании, и говорю о вещах, которые составляют суть и цель моей жизни. Да, товарищи... (Сделал паузу и повторил.) Да, товарищи, каждый ученый энергетик, если он любит Россию, должен честно признать, что со времени Петра Первого ничьим умом не владели столь смелые, столь величественные идеи. Мы, современники, даже представить себе не можем, какие камни закладываются в историю нашего отечества.

Немедленно встает Ленин.

Ленин. Я получил несколько записок. Позвольте мне на них сейчас же ответить. Работники Курской губернии пишут мне о том, что у них падают лошади, что даже машины у них нет, чтобы продержаться до весны. Не следует ли решить сначала эту насущную задачу, а потом уже приняться за такую махину, как электрификация? Товарищ, приехавший с Путиловского завода, высказывает глубокое

сомнение о людях. (Читает по записке.) «Пролетариат в торговлишку ударился... Люди мастерят зажигалки... Специалисты у нас белые или кадеты...» (Отложил записку.) А разве мы не знаем?.. Вот сегодня я беседовал с одним знаменитым английским писателем. Он называет себя социалистом, но принадлежит к той странной категории людей, для которых революция — рождественский сочельник. Они верят в братство чистеньких людей, будто эти миленькие люди обнимутся, поцелуются и построят социализм. Это — мечты кисейных барышень, над чем мы всегда смеялись. Видите ли, товарищи, в чем дело, я верю в грешных людей. Я хочу сказать, что социализм мы будем строить из тех кирпичей, которые нам оставил капитализм, и не ждать, пока к нам сами придут новые, коммунистические люди. Ведь вы возьмите человека, который готов в любую минуту отдать жизнь за революцию, — разве он не отравлен великим множеством грехов капитализма? Как вы думаете? Я хочу сказать о забитом, измученном человеке, изуродованном крепостниками, царизмом, солдатчиной. Никакого другого человека у нас нет. С ним мы совершили всемирное дело в Октябре, с ним мы уничтожили три огромные белые армии, с ним же выгнали с позором англичан из России. Вы только подумайте, что наделал этот наш грешный человек! Это же контрреволюция — не любить нашего человека, не верить ему, не ценить его выше всех благ мира. У нас на пути будет мякина и дохлые лошади, у нас сегодня тысячами вымирают люди... Это ужас, которого не вмещает ум человеческий. Но мы не имеем права уступить мякине революцию... Сделать революцию, как бы эта революция ни была грандиозна, — поддела, одна десятая дела. Потом на смену баррикадам придут будни, тяжелые, грязные будни... Истинным революционером считаем мы того, кто готов пойти на новые, неслыханные жертвы, ни с чем несоизмеримые, небывалые, страшные будничные жертвы, ибо другого пути нет, не может быть, никогда не бывало в истории. Надо во что бы то ни стало

опасать лошадей, бороться с голодом, сеять из лукошка, горстью. Но если мы за этими делами забудем, ради чего наш народ пролил столько крови, вынес столько несчастий, дал такой сверхчеловеческий героизм, то, прямо говорю вам, пиши пропало. Надо смотреть вперед и мечтать... да, и мечтать. И сегодня же нам надо дать народу форму простую и захватывающую: советская власть плюс электрификация. Я думаю, что это и будет коммунизм, что это и явится началом небывалого революционного переворота всей действительности в огромной, еще средневековой, нищей, разоренной и самой величественной стране мира. Ничего и никого нельзя ждать. Создавать социализм немедленно, будущее строить сию минуту!.. Простите, я несколько увлекся. Я хотел отвечать на вопросы по порядку и ответил на все сразу.

В это время начинают свой бой куранты на Спасской башне.

(Непроизвольно сделал жест к молчанию. Потом подбежал к окну и распахнул его. Слушает. Обернулся к собранию. С глубокой радостью.) Слышите... а? Играют! Это великое дело, товарищи, это уж навсегда. И когда случится все, о чем мы мечтаем и спорим, они будут отсчитывать новое время, и то время явит миру новые электрификации, мечтания, дерзания... И те будущие люди поймут и оценят наш труд, наши жертвы...

К О Н Е Ц